

ЭЛЛА КАЗАНОВА

УРОКИ
ВОЖДЕЛЕНИЯ

Литературный конкурс
«Любовь между строк»

Победитель

Литрес

18+

18+

Элла Казанова

Уроки возделения

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69243859

SelfPub; 2023

Аннотация

Дэйнара Эштон – любящая дочь, девушка строгих моральных правил и настоящая леди. Лорд Кройд – само воплощение порока, имеющий репутацию распутника, картежника и жестокого беспринципного человека. Оскорбленный отказом Ары, он превращает жизнь её семьи в кошмар наяву. Чтобы спасти близких, девушка решается прийти к своему палачу с унижительным для неё предложением...

Содержание

ПРОЛОГ	4
1.	20
2.	30
3.	46
4.	58
5.	74
6.	86
Конец ознакомительного фрагмента.	88

Элла Казанова

Уроки вожделения

ПРОЛОГ

Сердце грохотало о ребра с такой силой, что грозило вот-вот проломить их, ладони вспотели, в ушах шумело, а напряжение достигло невыносимого максимума.

Тогда сидящий за столом мужчина первым нарушил тишину.

– И чем же обязан вашим визитом в столь неурочный час, мисс Эштон?

Стоящая в центре комнаты девушка прерывисто втянула воздух, но ответила спокойным негромким голосом.

– Думаю, вы знаете, чем, лорд Кройд.

Мужчина приподнял уголок губ и откинулся в кресле, не отрывая от неё холодного взгляда. Его гладко выбритое лицо осталось совершенно бесстрастным, только в глазах зародилось какое-то глубокое пугающее мерцание.

– Не имею ни малейшего представления. Просветите меня.

Пальцы слегка подрагивали, а жар камина опалял и без того пылающие щеки, но Ара не отводила прямого взгляда

от мужчины в кресле. Хотя кабинет был довольно просторным, а от маркиза её отделяло не меньше полдюжины шагов и широкий полированный стол, девушке казалось, что они стоят вплотную, что он заполнил собой все пространство, что она чувствует на своей коже его дыхание.

Крупная широкоплечая, но не массивная фигура – тело зверя, по ошибке заключенное в костюм джентльмена, коротко стриженные вопреки моде волосы, отливающие сталью, словно припорошенные вечным инеем, и обманчиво мягкие движения. Этот мужчина вызывал в ней неприязнь и... неконтролируемый страх. Маркиз был похож на затаившегося хищника: расслабленная поза, ленивое движение пальцев, которыми он крутил сигару, словно раздумывая, закурить или положить обратно в шкатулку, к остальным – все демонстрировало, что разговор ему неинтересен, почти скучен. Вот только серые глаза, неестественно светлые, почти прозрачные, пристально наблюдали за каждым жестом Ары, а тонкие ноздри время от времени трепетали, словно втягивали аромат добычи.

И от этого взгляда, от загустевшего воздуха, от смеси запахов – сигары, горячих углей, дорогого парфюма, а за всеми ними запаха этого мужчины, – волоски на её шее поднимались, а пальцы в перчатках потели, но девушка не позволяла страху прорваться наружу, отразиться на лице.

– Полгода назад вы просили у отца моей руки, – тихо начала она. – И вам было отказано.

На последнем слове её голос все-таки дрогнул, а уголок рта маркиза приподнялся ещё немного. Его пальцы небрежно вернули сигару в шкатулку.

– Вы передумали? Боюсь, я тоже: понял, что брак не для меня. – Крышка ящичка с щелчком захлопнулась, как мышеловка. – Да и обстоятельства, увы, изменились: дочь преуспевающего графа была куда как более завидной партией, чем дочь разорившегося и, по слухам, находящегося на грани помешательства.

Дэйнара на миг прикрыла глаза – этого ответа она ожидала, – и продолжила.

– Да, была. До того отказа. До него у нас действительно все шло хорошо. А через неделю после... сгорели все отцовские фабрики.

– Несчастья случаются сплошь и рядом, достаточно одной неосторожной искры, – насмешливо заметил маркиз, откидываясь в кресле.

Ара не думала, что можно ненавидеть ещё сильнее. Оказывается, можно.

– Все пять сгорели в одну ночь. А ещё через месяц богатейшая медная жила резко истощилась, – последнюю фразу девушка произнесла с легким удивлением. Если одновременные пожары на фабриках ещё можно было объяснить слаженным поджогом, то как объяснить истощенную жилу, она не понимала, но чувствовала причастность сидящего напротив и даже не предложившего присесть ей мужчины.

– И в этом тоже виноват я? – приподнял бровь он.

– Фермеры один за другим отказались от аренды и съехали с земли, а отца исключили из клуба, который посещал ещё его прадед.

– Должно быть, за долги, – вежливо заметил маркиз.

Девушка не отрывала от него серьезного взгляда:

– Возможно, я многого не понимаю, но далеко не глупа, лорд Кройд. Поэтому это я вас спрашиваю: чего вы хотите?

Мужчина не торопился с ответом, лениво рассматривая её, и Ара еле сдерживалась, чтобы не стиснуть пальцы в кулаки. Ни один джентльмен не позволил бы себе так откровенно её разглядывать. Но маркиз, разумеется, не джентльмен.

– Снимите плащ, – негромко велел он.

Помедлив, Ара потянула за тесемки и позволила плотной ткани соскользнуть на пол. Взору маркиза открылся её обычный повседневный наряд: наглухо застегнутое платье с высоким воротом-стоечкой, сколотым камеей, а из-под длинного подола не видны даже кончики туфель. Каждый дюйм кожи укрыт тканью, открытым оставалось только лицо, но Ара чувствовала себя сейчас такой уязвимой, словно стояла перед маркизом в нижней сорочке или... вовсе без неё. Одним только взглядом этот мужчина словно сдирал с неё тонкий муслин, трогал, щупал, прикасался, оставаясь на месте. Взгляд спокойно опустился к её груди, задержался, а потом снова поднялся к лицу.

– Снимите перчатки и шляпку.

Ара снова послушалась, чувствуя, как к горлу подкатывает тошнота, а виски сдавливают все сильнее.

Распустила атласный бант под подбородком, приподняла и положила в кресло боннет. Мягкий завиток упал на плечо, тогда как остальные волосы остались собранными в высокую простую прическу. Перламутровые пуговички, которых на каждой перчатке насчитывалось ровно двенадцать штук, долго не давались дрожащим пальцам, но мужчина не подгонял.

Безмолвно наблюдал за каждым её движением, и тишину нарушал лишь шелест ткани и шорох пламени в камине. На стенах гуляли тени, словно всматривались в происходящее, а булавка в шейном платке маркиза вспыхивала обжигающим янтарем.

С каждой секундой Аре становилось все труднее дышать. Голова кружилась, в горле пересохло, и внутри все изнемогало от глупого желания обхватить себя за плечи, закрыться от того непонятного, пугающего и подавляющего, что исходило от этого мужчины, схватить плащ, выскочить в ночь и бежать, бежать без оглядки до самого дома, лишь бы больше не видеть ледяных колющих инеем глаз, внушающих ей такой животный ужас пополам с ненавистью.

Избавившись от второй перчатки, Ара снова застыла, но на этот раз опустила глаза, не в силах больше смотреть ему в лицо. Особого облегчения её оголившимся до предела нер-

вам это не принесло: она ощущала маркиза каждой клеточкой своего тела, ощущала, как оседают пылинки на шторы, как огонь выедает нутро углей в камине, как мягкий ворс ковра упирается в кожаные подошвы туфель, и мастика впитывается в свежеотполированную мебель.

– А теперь скажите, Дэйнара, мне отказал ваш отец или... вы? – в мужском голосе больше не звучало и тени насмешки.

Ара не видела смысла лгать, да и что-то подсказывало, что маркиз сразу почует фальшь.

С трудом, но все же она подняла глаза, вновь посмотрев прямо.

– Отец сомневался... – она запнулась, – из-за вашей репутации.

– А вы?

– А я не сомневалась. Я уговорила его отказать вам.

Повисла тишина, и, казалось, даже пламя в камине застыло, боясь шевельнуться и привлечь внимание хозяина дома.

В кабинете стало тихо. Очень тихо. И как-то темно. Только глаза маркиза светились двумя пульсирующими точками, вгрызаясь в глаза Ары, не отпуская их, пока кончики его пальцев выбивали дробь по столу.

Но спросил он прежним холодным бесстрастным тоном:

– Итак, что вы готовы мне предложить?

Ему не нужно было пояснять вопрос: Ара ждала его, пожалуй, с той самой секунды, как переступила порог этого кабинета четверть часа назад. Нет, ещё раньше, дома, когда

приняла решение.

– Себя.

– Кажется, мы уже выяснили, что брак меня более не интересует.

Маркиз явно не намеревался ей помогать, хотя все прекрасно понял.

– Я тоже не о браке, лорд Кройд.

– А о чем же?

– Я сделаю то, чего вы от меня хотите.

– Наивное и безрассудное дитя: вы так уверены, что знаете все о моих желаниях?

Ара не собиралась играть в его игры. Она пришла сюда не за этим, и хватит уже оттягивать, пора покончить с фарсом.

– Я проведу с вами ночь. И позволю делать с моим телом все, что пожелаете. Если взамен вы оставите меня и мою семью в покое.

Он смотрел на неё так долго, что Ара, у которой перед глазами то темнело, то плыло, а в груди давило и обрывалось, внезапно испугалась, что все-таки лишится чувств. Унизительно и мелодраматично.

А потом маркиз откинул голову и расхохотался. Звук буквально разорвался в напряженной тишине кабинета и показался таким чужеродным, что девушка вздрогнула.

Отсмеявшись, маркиз вновь устремил на неё взгляд, в котором не было ни капли веселья – все тот же холод, – и медленно произнес, глядя Аре в глаза.

– Когда я имею женщину, то хочу, чтобы она стонала и текла от удовольствия подо мной. Чтоб не заматывалась в монашеские тряпки, а хорошо знала, любила и принимала свое тело, и желала меня до исступления, чтобы умела дарить и получать наслаждение. А вы ведь к тому же ещё и девственница, верно?

Ара вспыхнула от стыда – никогда прежде она не слышала таких откровенных слов ни от кого и даже не все поняла, – а ещё ярости: какое он имеет право даже сомневаться в её чести?! Впрочем, ответа маркиз не ждал, продолжив:

– Исходя из этого, а также из того, какой ненавистью горят ваши восхитительные глаза, заключаю, что ни вы, ни я не получим удовольствия от реализации вашего интересного, но, увы, не заманчивого предложения. Уж простите, если разочаровал: вы, как вижу, подготовились – даже платье светлое надели, собираясь принести себя в жертву чудовищу. Но ни в эту, ни в другие ночи мне не нужна девушка, которая будет, сцепив зубы, терпеть мои ласки, считая секунды до окончания постыдного, по её мнению, акта, почитая себя праведницей и великомученицей. Иными словами, прекрасная Дэйнара, мне не нужно бревно на костре моей похоти.

Он замолчал, глядя на неё спокойно и отстраненно, а Ара чувствовала, что задыхается. Наверное, та же подруга Сесиль в такой ситуации ударилась бы в слезы или и впрямь лишилась чувств, но Аре хотелось схватить с каминной полки китайскую вазу и швырнуть в голову маркизу. Стереть это

выражение превосходства и ледяного безразличия с его лица.

Вместо этого девушка резко развернулась и бросилась к двери, позабыв про плащ и шляпку с перчатками. Но стоило потянуть дверь на себя, как чужая рука с щелчком захлопнула её, а сама Ара оказалась притиснута спиной к створке, и по обеим сторонам от головы прижались ладони маркиза, поймав в ловушку.

Щеку обдало горячим дыханием, а лицо мужчины оказалось так близко, что она могла рассмотреть светлые, будто тоже прихваченные инеем, кончики ресниц, и даже через платье чувствовала тяжелый жар его тела, от которого её отделяли считанные миллиметры и тонкая ткань.

Сердце колотилось, как сумасшедшее, от испуга и непонимания: как он мог оказаться рядом так быстро? Так *нечеловечески* быстро? Ведь секунду назад расслабленно сидел за столом...

Девушка даже не сразу поняла, что погасли все светильники и камин – только угли мерцали в очаге рассыпавшимися рубинами, обрисовывая фигуру маркиза красноватым ореолом.

В лице мужчины не осталось ни капли ледяного безразличия – теперь он хватал ртом воздух, пытаясь справиться с дыханием, сбившимся вовсе не от быстрого бега, а в глазах отражался такой голод, что Аре стало плохо.

– Выпустите меня, – потребовала она дрогнувшим голо-

сом. – Вы ведь уже добились того, чего хотели: унизили меня, доказали превосходство, отомстили. Так что ещё вам от меня нужно?

Он склонился ниже, совсем низко, приблизив лицо вплотную.

– Думаете, мне нужно было это? – в его охрипшем голосе, казалось, проскользнуло легкое удивление. – Отомстить?

Ара была в конец сбита с толку, а думать, когда тело дрожит от неконтролируемого ужаса, и любое неосторожное движение грозит соединить их губы и тела, не получалось.

– Если не это, тогда что? Вы ведь отклонили мое предложение, а больше мне нечего предложить.

Маркиз все-таки не выдержал и ткнулся носом в ямку у основания её шеи, втянул аромат кожи, и Ара застыла, чувствуя, как ключицу плавит жар его дыхания, а по спине сползает ледяной пот, и дрожат колени.

Мужчина наконец поднял голову, но не отстранился.

– Вы меня боитесь?

– Нет.

– Боитесь, – без улыбки констатировал он. – Я почувствовал это ещё с другого конца комнаты. И правильно делаете: я не тот, перед кем можно помахать красной тряпкой, а потом сбежать.

Ара не ответила, потому что он был прав. Только смотрела в пронзительно-светлые глаза, в которых схлестнулась вечная мерзлота зимнего океана и жар раскаленной добела

стали. Наверное, она боялась не его, а того зверя, который прятался внутри, и которого она инстинктивно чувствовала за всем этим внешним лоском и обманчивой сдержанностью.

И судя по срывающемуся дыханию, по напряженным мышцам, по хриплому голосу, маркизу непросто было сдерживать его.

Наконец он немного отстранился, не убирая ладоней от стены.

– Я не отказывался. Лишь сказал, что не желаю женщину, которая не желает меня. Но у меня есть к вам иное предложение.

– Какое?

– Вы на месяц переселяетесь в мой дом. Не в этот, – добавил он, заметив, как она огляделась и нахмурилась. – Моей целью не является оповестить весь город, что вы живете у меня. В загородный особняк.

Девушка настороженно смотрела на него.

– В качестве кого?

– Моей гостью.

– Переселюсь и... что потом? Что я должна буду делать в этом вашем доме, и что ждет меня через месяц?

– Будете выполнять небольшие... задания. Отдыхать, гулять на свежем воздухе, вести привычный образ жизни, насколько это возможно, делить со мной трапезы, постель, а в конце указанного срока покинете мой дом. И акции вашего отца, вложенные в оставшиеся две фабрики, резко подскочат

в цене, владельцы клуба принесут ему свои самые горячие извинения за досадную ошибку, как и арендаторы, а медь вернется в жилу.

За этим будничным перечислением девушка даже не сразу уловила главного. Уловив, не сдержала горькой усмешки.

А ведь на какую-то долю секунды она почти поверила, что он действительно предоставляет ей выбор.

– Значит, несмотря на свое глубокое отвращение к бревнам, вы все-таки собираетесь принудить меня разделить с вами постель.

– Вы не поняли: я не буду вас принуждать. Вы захотите этого добровольно.

Мгновение-другое Ара пыталась осмыслить услышанное, а потом чуть не расхохоталась, хотя веселье было последним, что она чувствовала в этот момент. Девушка с вызовом вздернула подбородок:

– А если не захочу?

Маркиз слегка пожал плечами.

– Тогда через месяц просто уедете обратно домой, в лоно семьи, дела которой резко поправятся. Но вы захотите, мисс Эштон.

Сам тот факт, что она ведет с маркизом этот безумный разговор, не укладывался в голове. Но на кону было больше, чем её бесчестье. Гораздо больше.

– И если я соглашусь жить у вас, вы обещаете, что не будете касаться меня?

– Такого обещания я дать, разумеется, не могу. Прикосновений не избежать.

Ара сделала глубокий вдох. Эта беседа, вся эта ситуация не умещалась в её привычную картину мира, где практически единственным законным поводом для прикосновений между незамужними девушками и молодыми людьми являлись танцы на балах, а речи джентльменов отличались деликатностью и предупредительностью.

– Я имела в виду прикасаться ко мне, как мужчина к женщине, заставляя против воли.

– То есть трахать вас, иметь, заниматься любовью? – бесстрастно уточнил маркиз.

Ара сцепила зубы.

– Да.

– Как я уже сказал: только если вы сами захотите.

И снова пауза, в процессе которой Ара собиралась с духом на то, что уже внутренне решила, а маркиз просто молча смотрел на неё.

– Как я объясню свое месячное отсутствие дома?

Оба знали, что означает этот вопрос: согласие дано.

– Вы же неглупая девушка, как сами любезно сообщили мне. Вот и придумайте. – Маркиз убрал ладони, отстранившись, и дикое напряжение, державшееся между ними, а заодно державшее Ару на ногах, исчезло, и девушка чуть не съехала вниз по двери.

Маркиз тем временем вернулся к столу и нажал кнопку

вызова.

– Чтобы ни у вас, ни у меня не возникло искушения нарушить условия соглашения, скрепим его официальным договором.

А Ара вдруг заметила, что все светильники снова горят, рассеивая мягкие круги света, а в камине шевелятся языки пламени, словно танцем празднуют победу хозяина.

В кабинет, негромко постучав, проскользнул незаметный мужчина неопределенных лет в таком же незапоминающемся, как его внешность, сюртуке и зауженных брюках.

– Варэнс, прошу засвидетельствовать наш с мисс Эштон договор.

Мужчина склонил голову в молчаливом согласии, а Ара дернулась, нервно воззрившись на мужчину.

– Не волнуйтесь, мисс Эштон. Варэнс работает у меня не только потому, что он лучший стряпчий в округе, но и потому что умеет держать язык за зубами. Не так ли Варэнс?

– Точно так, милорд, – прошелестел тот, уже вытаскивая документ.

И Ара почти не удивилась, увидев заранее подготовленный подробный договор.

Она честно попыталась вникнуть в него, но смысл фраз ускользал...

Он знал. Маркиз с самого начала знал, что все так и будет. И она лишь тешила себя иллюзией, что сама приняла решение прийти сегодня сюда, предложить себя, тогда как это он

привел её, он сделал все, чтобы у неё не осталось другого выбора.

Четко спланированная партия, а шахматы Аре никогда не давались...

– Прошу, мисс, будьте любезны приложить безымянный пальчик левой руки сюда. Нет-нет, просто приложить, – стряпчий забрал у неё перо, которое Ара уже поднесла к странице, и девушка, слегка недоумевая, выполнила указание.

Палец слегка кольнуло, и на бумаге, там, где обычно ставится роспись, расплылось пятнышко крови. Сквозь рисунок папиллярных узоров проступил, подобно водяному знаку, герб Кройда – готовящийся к прыжку барс.

Маркиз смочил в коньяке и протянул Аре платок, который она машинально прижала к пальцу, слегка поморщившись, и тоже оставил на договоре эту странную роспись.

– Знаете, в древности существовало поверье, что от безымянного пальца левой руки идет вена прямо в сердце. Поэтому именно на него надевают кольца, и поэтому такой договор нельзя нарушить.

Ара не собиралась вести с ним светские беседы. Снова облачившись в плащ и шляпку, она застегивала пуговички на перчатках.

– Я очень устала, лорд Кройд, и с вашего позволения хотела бы вернуться домой.

Это не было просьбой. Его позволение ей не требовалось.

Подвезти её до дома он, конечно, не предложил, да и Ара отказалась бы.

Направляясь к двери, она чувствовала странное... сопротивление, так что приходилось прикладывать остатки сил на преодоление этого короткого пути. Словно между ней и маркизом теперь протянулась нить, и с каждым шагом, удалявшимся Ару от него, эта нить натягивалась все сильнее, доставляя дискомфорт.

Стряпчий, склонив голову, открыл перед ней дверь.

– Помните, мисс Эштон, завтра в три по полудни в трактире «Золотой бык» вас будет ждать экипаж, – раздался за спиной негромкий голос маркиза. – И не советую менять решение в одностороннем порядке. Это может оказаться... болезненно.

Ара на миг замерла, а потом, не оборачиваясь, вышла из кабинета.

Снаружи грохотал дождь, затягивая город пеленой, и в этом буйстве стихии девушке тоже почудился недобрый знак.

Проскользнув в дожидавшийся её наемный экипаж, Ара буквально упала на сидение и прислонилась пылающим лбом к прохладному стеклу. Что же она натворила...

1.

Ара почему-то думала, что что-нибудь обязательно ей помешает... надеялась, что помешает. Разразится гроза и размоет дороги, или маменька заявит, что никуда её не отпустит, что именно сейчас у неё разыгралась одна из тех жутких мигреней, от которых отец предпочитал спасаться на встречах со своими арендаторами, когда те у него ещё были, и только Ара может подавать ей сердечные капли и читать вслух...

Но несмотря на сырость из-за прошедшего накануне дождя, погода стояла ясная, а маменька, когда Ара, запинаясь, сообщила, что Сесиль пригласила её на месяц погостить в своем поместье, обронила лишь:

– Ах, дорогая, чудесная мысль, не забудь захватить парочку шалей. В этих больших старых домах вечно сквозняки...

И запахнув поплотнее на груди концы собственной шали, уставилась в окно, наблюдая за гуляющими и редкими экипажами.

Матушка Ары была из тех хрупких созданий, которые предпочитали большую часть жизни проводить на кушетке, кутаясь в теплую одежду и предаваясь меланхолии. И даже подруг принимала полулежа, жалуясь на нескончаемые мигрени, нервы и приступы слабости. Впрочем, подруги охотно

поддерживали эти темы, тоже отличаясь не слишком крепким здоровьем...

Разговор с отцом вышел очень схожим, и сердце Ары сжалось: прежде энергичный полный планов мужчина за каких-то пару месяцев превратился в собственную тень. Все чаще замирал прямо во время разговора на полуслове или на прогулке, как бы обращая взор внутрь себя и все меньше интересуясь тем, что происходит вокруг.

И Ара чувствовала вину... Нет, она не сожалела о том своем отказе маркизу. Она сожалела лишь о последствиях, которые это имело для её семьи.

Горничную и камеристку Ара не взяла, сообщив, что Сесиль обещала ей своих, и, кажется, девушки приняли это на свой счет, поэтому, укладывая чемодан Ары, вздохами и взглядами всячески выказывали обиду.

Что они скажут в следующем месяце, когда получат расчет, потому что отец Ары более не в состоянии выплачивать им жалованье? За ними последуют лакеи, младшие горничные, посудомойки, кухарка, экономка... Ара встряхнулась, не позволяя этим мыслям завладеть собой.

– Готово? – обернулась она от окна.

– Да, мисс Эштон. И Джером уже подал экипаж.

– Хорошо.

Их верный Джером подал ей руку, подсаживая в экипаж, и покачал головой.

– Вы уж простите старого ворчуна, мисс, но не следует вам

ехать одной, хотя б Анну возьмите. Она, конечно, дуреха, но какая-никакая компаньонка в дороге...

Только такой заслуженный слуга, искренне любящий эту семью, при которой состоял ещё его отец, мог допустить такую вольность без опаски наказания.

– Не волнуйся, Джером, – Ара спокойно улыбнулась старику, хотя на душе скребли кошки, – возле трактира меня будет ждать экипаж Сесиль с горничной.

Дверца захлопнулась, карета качнулась, снимаясь с места, и застучала колесами по брусчатке. А примерно через полчаса булыжные мостовые закончились, сменившись сельской грязью. Трактир располагался примерно в часе езды от города. Ара откинулась на сидение и прикрыла глаза, усилив воли унимая дрожь и твердя себе: «Я все сделала правильно, я все сделала правильно...»

В дороге набежали облака, и задул сильный ветер, раскачивая скрипучую вывеску, на которой был изображен золотой бык, тянущийся к кружке пива.

Они прибыли намного раньше назначенного времени, и экипажа маркиза ещё не было на месте. Возницы кучковались, согреваясь элем и разговорами, судя по взрывам смеха, не совсем приличными, пока меняли их лошадей, и проводили взглядами одинокую девушку. Ара плотнее закуталась в плащ и решительно направилась к входу в трактир.

Джером наотрез отказался покидать её, пока не придет экипаж мисс Сесиль, и Ара сказала, что в таком случае подождет его в комнате наверху.

Слуга остался на первом этаже, а девушку расторопная хозяйка проводила в опрятную, хоть и скудно обставленную, комнату для путников и предложила подать обед, но Ара попросила лишь стакан воды. Погода снова портилась, на оконное стекло падали первые капли, и сквозь них проступало лицо маркиза – голодное, жаждущее, пугающее, как в тот момент, когда он прижал Ару к двери...

Девушка поежилась, почувствовав, что снова начинает дрожать. Укол на пальце, как ни странно, полностью прошел, даже точки не осталось, но Ара непонятным образом чувствовала его, а ещё чувствовала тонкую, тоньше волоса, ниточку, протянувшуюся от него к сердцу, хотя она не смогла бы объяснить это ощущение.

Девушка ни капли не верила в то, что действия маркиза не месть. Если не она, то что тогда? Просто Его Сиятельство развлекается: ему мало унижить Ару словами, он хочет полностью её растоптать. Развратить, опустить до своего уровня, чтобы больше никто и никогда не посмотрел на неё с почтением, чтобы больше никто не захотел взять в жены...

Но это сейчас неважно. Ара все вынесет, главное, чтобы маркиз сдержал обещание и отстал от их семьи, вернул отцу положение, без которого, чувствовала девушка, тот долго не протянет. Дождь и ветер крепчали, дышать становилось все

труднее, а сомнения Ары возрастали с каждой секундой.

Сдержит слово? О господи, неужели она действительно поверила, что такой, как лорд Кройд – у которого даже фамилия под стать, фамилия хищника, – выполнит обещание? Поверила, что станет придерживаться какого-то глупого договора, несмотря на ту историю в игорном доме и историю с мисс Коннорс, и... мало ли сколько ещё подобных на его счету. Никакие договоры ему не указ. Головокружение усиливалось, боль в пальце нарастала, а на сердце словно кто-то давил, так что воздуха уже не хватало.

Она совершила ошибку! Надо немедленно разыскать Джерома и сказать, что они возвращаются домой. Ара резко вскочила, задев стакан с водой и не обращая внимания на приступ дурноты и ощущение, будто в сердце вгоняют раскаленную спицу, и выбежала из комнаты, слыша, как позади вдребезги разбилось стекло.

На первом этаже слуги не оказалось – хозяйка сказала, что он вышел по природной надобности на задний двор, и девушка бросилась туда же. Ветер тут же сорвал с головы капюшон плаща, а дождь хлестнул в лицо ледяными струями. Ара прижимала ладонь к груди, где жгло так, что мир расплывался перед глазами, и сердце, казалось вот-вот лопнет, а с безымянного пальца словно по ниточке сдирали кожу.

– Джером! – крикнула Ара, озираясь и пытаясь перекричать шум дождя. – Где ты?

Слуга не отзывался, и девушка бросилась к их экипажу,

решив дождаться слугу внутри. Уже показались очертания экипажей на дворе, и она почти различала их карету, до которой, наверное, не добежит, потому что очередная ввинчивающаяся в сердце спица, остановит его биение раньше, – но тут прямо из темноты на неё выскочил экипаж.

Заржали кони, прямо возле головы мелькнули чудовищные копыта, и возница едва успел обогнуть девушку, так что её только брызгами обдало.

Экипаж мгновенно остановился, и дверца распахнулась.

– Мисс Эштон? – позвал глухой голос с козлов. – Маркиз ждет.

Ара, все ещё оглушенная болью и испугом, кутаясь в плащ дрожащими руками, задрала голову, но из-за дождя, различала только контуры.

– Джером... мне нужно предупредить слугу.

– Его уже предупредили, ваш экипаж сейчас на полпути домой.

Дальше все запомнилось как-то урывками, и пришла в себя Ара, уже в экипаже, стремительно увозящем её прочь от трактира «Золотой бык» и прежней спокойной и предсказуемой жизни.

Маркиза в карете не оказалось, как и слуг, чему Ара порадовалась – сейчас ей хотелось побыть одной. Впрочем, чего она ждала – что лорд Кройд лично приедет за ней и, ед-

ва фонари постоянного двора останутся позади, набросится и обесчестит? Хотя такой вариант тоже не исключала...

Следующим пришло осознание, что палец больше не горит огнем, и на грудь ничто не давит. Осталась только тянущая даже не боль – след недавно пережитой боли, и Ара не была уверена, остался ли он в теле или только в голове. Главное, что мука, которая начала терзать её с того мига, как Ара усомнилась в принятом решении и заколебалась, прекратилась. И слава богу – она бы долго не выдержала...

Дорога тянулась и тянулась однообразными скрытыми пеленой дождя пейзажами, и не то, чтобы девушка стремилась поскорее оказаться наедине с маркизом, но обрадовалась, когда с холма открылся вид на его дом. «Вид» громко сказано: спустившиеся сумерки и непогода позволили разглядеть только множество освещенных окон, словно бы подвешенных в тумане ливня, но даже их количество и количество труб, к каждой из которых был подведен камин, говорило о достатке маркиза.

Если ему и нужно было когда-то приданное Ары, то явно не для того, чтобы выбраться из нищеты...

Маркиз не вышел встречать – то ли пока отсутствовал, то ли подчеркивал таким образом незначительность её приезда.

Встретили девушку расторопные, но молчаливые слуги, которые сразу препроводили в отведенные покои. Слишком уставшая после дороги и пережитого, Ара едва замечала залы, по которым её вели. Обстановка запомнилась не кон-

кредными деталями, а общим впечатлением: роскошная и... подавляющая. Как сам маркиз.

Семья Ары тоже далеко не бедствовала до встречи с лордом Кройдом, однако девушка привыкла к светлым интерьерам, тонким пропорциям, женственной мягкости – обстановкой всегда занимались они с маменькой, – но от жилища маркиза веяло совсем иной энергетикой: подчеркнуто мужской, тревожащей, слегка агрессивной.

Паркетные полы из темного ореха, бархатные шторы, массивные камины и блеск многоярусных люстр – Аре казалось, что она кожей чувствует все эти поверхности.

Вопреки ожиданиям её покои оказались больше похожими на то, к чему девушка привыкла, и состояли из спальни и соединенной с ней гостиной. Просторные эркерные окна, камин из белого мрамора, бюро для написания писем, кушетка... На кровать за полуоткрытой дверью девушка старалась особо не смотреть. Она остановилась перед камином в нерешительности, грея озябшие руки и не зная, что делать дальше, и в каком положении будет здесь жить, а потому имеет ли право отдавать приказы слугам.

Проблему решила горничная Мари, которая сообщила, что с минуты на минуту для мисс Эштон будет готова ванная. Мимо уже сновали девушки с ведрами. Только когда Мари помогла снять тяжелый влажный плащ, верхнее платье и корсет, Ара поняла, насколько промокла и продрогла. Но от помощи в купальной отказалась. Кажется, Мари уди-

вилась, но Аре не хотелось, чтобы её касалась чужие слуги в этом чужом доме.

Вскоре в смежной комнатке, где витал приятный травяной аромат, её уже ждала большая фаянсовая ванна. Снять последние детали – холодные липнущие к телу чулки, белье и нижнюю рубашку, – оказалось настоящим блаженством. Ара опустилась в горячую исходящую паром воду и прикрыла глаза, позволив себе насладиться последним мигом, когда она принадлежит самой себе. Но лишь мигом.

Омывалась она торопливо, чувствуя напряжение и посекундно оглядываясь на дверь купальни, которая так и не открылась.

Наверное, в воду были добавлены какие-то масла, потому что кожа после неё лоснилась, как шелк, и благоухала. А ещё стала сверхчувствительной, поэтому пушистое мягкое полотенце почти царапало.

В гостиной Ару уже ждала Мари с высушенной почищенной одеждой и сообщением, что маркиз ждет её к ужину. Он не спрашивал, насколько она устала и нуждается ли в отдыхе с дороги. Просто ставил перед фактом. Но Ара знала, на что идет, поэтому спокойно кивнула служанке, сделав вид, что находит происходящее естественным.

Пока что Мари обращалась с ней почтительно, как с гостьей, но много ли пройдет времени, прежде чем Ара начнет различать на её лице оскорбительные усмешки и презрение? Слуги ведь не дураки, чтоб не сделать выводов, в каком ка-

честве молодая девушка может прожить в доме неженатого мужчины, да ещё и без компаньонки.

Но Ара запретила себе об этом думать.

Облачаться снова в дорожное платье после ванной было не слишком приятно, но судьба багажа пока оставалась неизвестной, а спрашивать Мари ей не хотелось.

Поправив тугую и такую же простую, как накануне, причёску, из которой не выбивалось ни единой пряди, и взглянув в последний раз в зеркало, где отражалась бледной, но спокойной и собранной, Ара последовала за служанкой.

2.

Ужин накрыли в малой столовой.

Когда Ара вошла, маркиз курил, откинувшись на стуле и даже не встал для приветствия. Лишь молча, слегка прищурившись, наблюдал, как лакей помогает ей сесть, и кончик его сигары тлел оранжевым, вспыхивая в полумраке.

Почему-то маркиза всегда окружал полумрак, даже сейчас, хотя в комнате горела люстра и свечи. Но их свет казался каким-то тусклым, приглушенным.

Он сделал знак, и слуги удалились, плотно притворив двери и оставив их наедине. Только тогда Ара заметила, что все блюда уже есть на столе. Значит, никто не будет подавать новые, прерывая их тет-а-тет.

Сердце заколотилось, дыхание сбилось, но девушка спокойно расстелила салфетку на коленях и посмотрела прямо на маркиза.

Минуту-другую он держал взгляд, заставляя сердце уже не колотиться, а сходить с ума и обрываться от страха неизвестности, а потом вдавил зашипевшую сигару в пепельницу, по-прежнему не отводя глаз от лица Ары.

– Рад, что вы все-таки доехали, мисс Эштон.

– Разве у меня был выбор?

– Не было, – согласился маркиз. – Если, конечно, не счи-

тать выбором смерть. – Он выразительно посмотрел на все ещё слегка припухший палец девушки, и Ара почувствовала, что краснеет.

Маркиз каким-то невероятным образом узнал, что она пыталась отменить сделку в одностороннем порядке.

– Надеюсь, вам доставила удовольствие причиненная мне боль.

– Не доставила, – бесстрастно ответил маркиз. – И вы ошибаетесь, полагая, что её причинял я. Это сделали вы сами, когда пытались нарушить уговор, несмотря на мое предупреждение. Было очень больно?

– Да.

– Замечательно. Теперь вы знаете, что бывает за попытку забрать данное мне слово. После третьего нарушения сердце остановится. Это стандартный пункт в таких договорах, и я надеялся, что вы внимательно его прочли.

Ара вообще не читала договор. Была не в том состоянии.

– Для вас не должно стать новостью, что я не желаю находиться здесь.

– А вот это, мисс Эштон, явно лишняя и не интересующая меня информация. Мы заключили сделку, очень щедрую с моей стороны по отношению к вашей семье, не для того, чтобы я месяц терпел в своем доме хмурую девицу, считающую, что делает мне одолжение и перечашую по любому поводу. Поэтому приберегите кислые выражения и дурное настроение до возвращения домой. Я ясно выразился?

– Более чем, лорд Кройд, – сдержанно ответила Ара, когда совладала с дыханием и смогла быть уверенной, что голос не дрогнет от ярости.

– Прекрасно. Значит, мы можем наконец приступить к ужину. Думаю, вы голодны.

Девушка не стала спорить, потому что правда проголодалась – ела в последний раз утром, дома. А ещё потому что маркиз действительно ясно донес мысль.

Ара ела суп, зачерпывая понемногу ложкой от себя.

Наверное, он был даже вкусным, но несмотря на голод приходилось буквально проталкивать его в себя – слишком давила обстановка: полумрак, запах оплывающих свечей, бархатная обивка мебели, высокий натирающий воротничок, шпильки в излишне тугий причёске и мужчина напротив, который смотрел, как она ест, так, будто в мире не было зрелища занимательнее.

Глаза провожали её руку, подносящую ложку ко рту, останавливались на губах, когда Ара открывала рот, опускались ниже, к шее, прикрытым платьем ключицам, ещё ниже, заставляя дыхание сбиваться, и девушке стоило невероятных усилий сохранять отстраненное выражение и сдерживать дрожь в пальцах.

– Скажите, мисс Эштон, как вас называют дома?

Аре не хотелось, чтобы он обращался к ней, как родные и близкие друзья, поэтому она ответила ровным тоном:

– Дэя.

– Тогда я буду называть вас Ара. Удобное имя.

Её ложка на миг застыла. Показалось, или в голосе маркиза прозвучала насмешка?

– И чем же оно удобно? – спросила она, спокойно подняв на него глаза.

– Его можно стонать и рычать.

Несмотря на тон, маркиз не улыбался. И от его взгляда – темного, тяжелого, – еда подкатила к горлу, а вдоль спины пробежали мурашки.

Девушка опустила свои глаза первой, сжав пальцы на салфетке под скатертью и промолчав. Чувство скованности росло с каждой секундой. Рука напряженно стискивала ложку, платье кололо, а в голове поселилась ноющая боль, так что Ара с трудом сдерживалась, чтобы не морщиться.

– Вам удобно? – внезапно спросил маркиз.

– Что?

– Вам удобно в этом платье и на этом стуле?

– Мой багаж ещё не доставили, – произнесла Ара безучастным тоном. – В чемодане есть более удобные и подходящие наряды.

Ей не хотелось, чтобы это звучало, как просьба или вопрос. Хотя судьба багажа её волновала. Забрали ли его слуги маркиза, когда отправляли Джерома домой?

– Вот как? Что ж, я обязательно позабочусь о вашей одежде.

– Благодарю.

Девушка собралась снова опустить глаза в тарелку, но тут маркиз внезапно поднялся и приблизился. Ара инстинктивно сжалась на стуле, одеревенев.

– Не бойтесь, я ведь обещал, что не причиню вам вред, – произнес он, обходя её стул.

Но Ара превратилась в комок нервов, когда он встал сзади. Мышцы напряглись до боли, плечи мгновенно затекли.

– Что вы делаете? – выдавила она, не оборачиваясь.

– Т-ш-ш, – маркиз аккуратно забрал ложку, для чего ему пришлось почти силой разжать её сведенные пальцы, и склонился к уху, обдав шею горячим дыханием. – Прикройте глаза.

Меньше всего Аре хотелось закрывать глаза, когда за спиной стоит хищник с вкрадчивым голосом, но она послушалась, чувствуя, что так или иначе придется сделать, как он сказал.

От напряжения боль в затылке усилилась, так что под зажмуренными веками расцвели красные круги, и Аре пришлось закусить губу, чтобы не всхлипнуть.

Почувствовав в волосах его пальцы, девушка дернулась, но маркиз с мягкой настойчивостью потянул за пряди, заставляя вернуть голову в прежнее положение. Что-то тихо звякнуло о пол, и боль чуть-чуть уменьшилось. Звук повторился, и стало ещё немного легче. Маркиз одну за другой вынимал шпильки, и с каждой новой Ара чувствовала растущее облегчение и в то же время тревогу.

Зачем он это делает? И главное... что собирается делать дальше? А дальше, избавившись от всего, что удерживало прическу, маркиз запустил в её волосы обе руки и начал легонько массировать. Невесомо тянул у корней, ворошил, мягко надавливал на какие-то чудесные точки, отчего остатки боли и дискомфорта испарялись бесследно, массажировал кончиками пальцев, и через какое-то время Ара услышала тихий стон и распахнула глаза, осознав, что издала его сама.

Позади послышался тихий смешок, но на плечи надавили ладони, когда девушка попыталась отстраниться.

– Так лучше? – раздался низкий бархатный голос маркиза, а его руки спустились к основанию затылка, стерев умелыми прикосновениями последние отголоски боли, и продолжили путь вниз, расстегивая пуговички воротника и надавливая подушечкой большого пальца на каждый позвонок, пока не достигли кромки платья.

– Да, – ответила Ара, сдерживая желание откинуть немного голову, потянуться к дарящим облегчение рукам.

И сама удивилась тому, как прозвучал голос: приглушенно и хриловато.

Мужские пальцы вернулись наверх и сжали пряди, неожиданно сильно, но, как ни странно, это было не больно, а... приятно.

– Не представляете, как давно мне хотелось их распу-
стить, – прошептал маркиз, наклонившись так низко, что

Ара почти чувствовала его губы на мочке уха.

А потом вдруг убрал руки, обошел её стул и вернулся на свое место напротив, оставив девушку в смешанных чувствах.

С одной стороны, теперь, когда их снова разделял стол, и она могла видеть маркиза, Ара чувствовала себя уверенней, а с другой, без его рук в волосах стало как-то... пусто. Словно исчезла успевшая стать привычной деталь, доставляя своим отсутствием дискомфорт, хотя физического дискомфорта не было. Девушка прислушалась к себе: боль полностью прошла, как и болезненное напряжение. Тело стало приятно расслабленным, а кожу головы покалывало тепло, и Ара чувствовала на щеках румянец, как после отдыха в кресле возле камина.

Впервые за этот день, да что там, за многие дни, она чувствовала себя уютно и хорошо, словно разжалась туго стянутая пружина, и в то же время скованно, потому что этим ощущением была обязана ненавистному человеку напротив. А ещё потому что её волосы теперь ниспадали пышными волнами по спине и плечам, а Ара даже на ночь всегда заплетала косу...

И это заставляло её чувствовать себя уязвимой. А она не хотела быть уязвимой перед этим мужчиной.

Маркиз внимательно смотрел на девушку, откинувшись на стуле, из-за чего его лицо снова оказалось в тени, и только направленные на Ару глаза горели.

– Какая гадость снова пришла вам в голову?

– Я хотела бы собрать волосы, если позволите.

– Не позволю. Любезная мисс Эштон, я видел девушек без причесок, без верхних платьев, без нижних платьев и без белья. Я видел много девушек одновременно без всего вышеперечисленного. Поверьте, распущенные волосы – это не то, чего стоит так мучительно стесняться.

– Вам так нравится говорить мне непристойности?

– А что непристойного вы находите в обнаженном теле, с которым появились на свет? Или полагаете, господь сотворил его нарочно, чтобы стыдить вас за него каждый миг жизни?

– Вы невыносимы.

– А вы чопорны и взращены ханжами. Ешьте уже спокойно.

Помедлив, Ара снова взяла ложку в руки. Как ни странно, аппетит действительно вернулся, а от аромата блюд, который она только сейчас почувствовала, потекли слюнки.

Хотя она все-таки предпочла бы, чтобы маркиз не смотрел так пристально за её трапезой. Сам он едва притронулся к еде. А впрочем, если ему нравится, пускай смотрит, Ара не собирается смущаться, как какая-нибудь легкомысленная жеманница и доставлять тем самым маркизу удовольствие. Слишком поздно для смущения и сожалений.

Поэтому когда лорд Кройд подвигал к ней то одно, то другое блюдо, девушка спокойно благодарила и угощалась.

– Вина?

Ара заколебалась. Дома по праздникам ей и другим леди подавали сливовую настойку, тетушка Бэтси так и вовсе лечила ею простуду, нервы и дурное настроение, но девушка обычно отпивала не больше пары глотков, а вино и вообще пробовала лишь раз в жизни – в канун Рождества много лет назад. В тот вечер они с Сесиль стянули бокал кларета и спрятались под столом от взрослых. Но ничего вкусного в этом напитке, так ценимом их родителями, девочки не нашли: после первого же глотка тягучей сладкой с горчинкой жидкости Ара закашлялась, а потом остаток вечера чувствовала головокружение и неприятную дезориентацию, поэтому с тех пор никогда не повторяла тот опыт.

Однако маркиз не ждал ответа и уже наливал.

Ара молча смотрела, как рубиновая жидкость наполняет хрустальные стенки. Если лорд Кройд собирается опоить её и воспользоваться ситуацией, то, может, оно и к лучшему, что чувства и сознание будут в этот момент притуплены. Все равно она ничего не сможет ему противопоставить, так пусть хотя бы воспоминания останутся туманными.

Но он не стал настаивать, когда Ара после одного глотка отодвинула бокал. Только спросил:

– Не понравилось?

Девушка задумалась. Как ни странно, вино нельзя было назвать невкусным. Пожалуй, только сейчас, после вопроса маркиза, Ара почувствовала вкус напитка. И он не казался

ни противным, ни дешевым.

Помедлив, девушка сделала ещё один глоток, на этот раз не торопясь и, прежде чем проглотить, покатала вино на языке, отмечая оттенки: терпкое, с кислинкой, приятно щекочущее обоняние и оставляющее во рту чуть маслянистое теплое послевкусие. Совсем не похожее на тот давний густой переслащенный кларет.

– Непривычное, – коротко произнесла она, ставя бокал на место, и потянулась вилкой за ломтиком сливы в бессознательном желании стереть этот вкус, отчего-то неуютный.

– Нет, – остановил маркиз. – Съешьте винограда. Руками, будьте любезны. Вилка здесь неуместна.

И вновь в его голосе прозвучало нечто, что не допускало отказа со стороны Ары, хотя маркиз не повысил голоса и даже позу не сменил, продолжая водить подушечкой большого пальца по зубцам вилки.

Интуитивно чувствуя подвох, девушка отломилась от кисти несколько налитых ягод. Виноградины были крупными, сизо-черными, бархатистыми на ощупь и тугими от сока, а ещё источали сладкий вяжущий аромат. Под ждущим взглядом маркиза предстоящее простое действие приобрело оттенок непристойности, поэтому Ара быстро одну за другой закинула ягоды в рот и проглотила, почти не прожевывая, как мог бы сделать какой-нибудь кухонный мальчишка, но никак не хорошо воспитанная леди.

Маркиз усмехнулся, показывая, что оценил её обманный

ход, но мириться с ним не намерен. Сам неторопливо сорвал для неё ягоду и протянул.

– А теперь ещё раз и без спешки. Посмакуйте.

Ара сердито забрала подношение и покрутила. Потом поднесла ко рту и обхватила губами, сперва мягко, потом усиливая нажим и чувствуя, как винограда приятно пружинит. Коснулась кончиком языка гладкой прохладной кожицы и наконец раскусила пополам. В рот брызнул ароматный сок, растекаясь внутри пьянящей сладостью.

– Что вы чувствуете? – раздался хриловатый голос маркиза. – Какая она?

Прежде чем ответить, девушка не спеша прожевала половину виноградины. Он ведь сам велел не торопиться. Вот пусть и подождет. А у маркиза даже голос изменился, и дыхание слегка участилось. И это приносило... странное удовлетворение. Словно несмотря на его приказной тон и обязанность Ары подчиняться, контроль был именно у неё.

– Сладкая... чуть прохладная.

– Ещё?

– Упругая...

– Ещё.

Ара посмотрела в глаза маркизу и поднесла ко рту вторую половину.

– Немного вяжущая, – провела влажной стороной по губам, видя, как темнеет его взгляд, – и обволакивающая...

Поместила остатки в рот и прожевала с нескрываемым

удовольствием, даже веки на миг прикрыла. Виноград оказался действительно головокружительно вкусным. А может, все дело было в тех двух глотках вина, от которых внутри расплзлось тепло и даже легкое жжение... Так или иначе Ара не смогла бы объяснить себе, почему её движения приобрели плавность, голос глубину, а мизинец невесомо снял каплю сока в уголке рта. Она даже не замечала этого, просто следовала инстинкту, подталкивавшему её говорить и двигаться так, что у сидящего напротив мужчины сбивалось дыхание.

Ара и не думала, что умеет так...

– Вам нравится?..

– Да. Это... – девушка позволила волнующей тишине повисеть, – приятно.

И промокнула рот салфеткой.

Маркиз молча отломил от ветки и протянул ещё одну виноградину, не разрешив Аре взять её руками. Сам надавил упругой прохладой на губы, размыкая их... и отодвинул, когда девушка приоткрыла рот. И Ара безотчетно включилась в игру, потянувшись за упрямой ускользающей ягодой. После нескольких неудачных попыток покусания та наконец замерла неподвижно, и девушка прихватила её губами, задев кончик пальца маркиза, посмотрела на мужчину, внутренне усмехнувшись, и резко раскусила ягоду.

Брызнувший сок окропил её губы и белоснежный манжет маркиза, потек с его руки, срываясь сладкими каплями.

Ара отодвинулась, прожевывая виноградину и не скрывая усмешки.

Маркиз шумно втянул воздух и тоже откинулся назад. В светлых глазах зашевелились тени, затягивая радужку густой чернотой. Ара даже моргнула, сбитая с толку этой игрой света.

Вместо того, чтобы вытереть пальцы о салфетку, мужчина неторопливо облизал их, глядя ей в глаза. И вместо того, чтобы отвести свои, Ара почему-то зачарованно наблюдала, как он собирает языком прозрачные пряные капли, и больше не чувствовала себя победительницей. Покончив с варварским нарушением этикета, от которого её бывшую гувернантку хватил бы удар, лорд Кройд негромко произнес:

– Не стоит.

– Что не стоит?

– Дразнить меня, если не готовы к последствиям.

Так вот как называется это сладкое чувство власти над ненавистным маркизом...

Ара внезапно смутилась. Последние пять минут внезапно предстали перед ней во всей своей неприглядности. Она не только пошла на поводу у этого развращенного мужчины, но и сама безотчетно... соблазнила его? Как какая-нибудь падшая женщина. Должно быть, даже его присутствие губительно, ведь прежде Ара ничего подобного не совершала и вообще не знала, как... как дразнят, потому что такие вещи подобают только дамам полусвета и мужчинам, которые их

посещают. Она и ради интереса ни разу не заглядывала в романы, которые Сесиль заказывала тайком от своей матери и тут же прятала за обложками с нравоучительными названиями...

Ара резко отодвинула стул и поднялась.

– Благодарю за ужин и хотела бы подняться к себе. Я очень устала сегодня.

– Значит, самое время завершить вечер и пожелать друг другу доброй ночи. Но перед тем хотел бы предупредить вас о нескольких вещах. Во-первых, я желаю, чтобы вы разделяли со мной трапезы и досуг, когда мне это будет угодно, и не верю в женские мигрени и нервы. Во-вторых, можете посещать любые комнаты в доме, кроме подвальной. В-третьих, – он усмехнулся, – не нужно запирается: слуги без разрешения к вам все равно не войдут, а меня затвор не остановит. Зато может разозлить, а разозленным я вам понавлюсь ещё меньше, чем нынешним. За нарушение любого из этих правил последует наказание.

Ара покраснела от гнева.

– Вы меня поняли? – чуть повысил голос он.

– Я поняла вас, лорд Кройд, – процедила она, отвернувшись и направилась к выходу, потому что хозяин дома явно не собирался проявлять учтивость и открывать перед ней дверь.

Дернув за ручку, Ара обнаружила, что створка закрыта, хотя не слышала, чтобы слуги, удаляясь, запирали её.

– Вы кое-что забыли, мисс Эштон, – раздался позади раз-

дражающе спокойный голос.

Ара резко развернулась, но сумела взять себя в руки и произнести так, что голос почти не вибрировал:

– Доброй ночи, лорд Кройд.

И пропадите пропадом в той самой подвальной комнате!

– Спокойной ночи, Ар-ра.

В тот же миг в двери щелкнуло, и створка приоткрылась.

Девушка не дала себе ни секунды, чтобы обдумать эту странность, спеша убраться подальше от маркиза и испытывая облегчение, оттого что этот странный ужин наконец завершился.

Помочь ей раздеться и приготовиться ко сну снова пришла Мари. Ара не стала возражать против принесенного ею ночного платья, отделанного кружевом, довольно приятного к телу и, по словам служанки, совершенно нового. Девушка лишь понадеялась, что маркиз выполнит обещание и уладит проблему с её багажом уже завтра.

Когда горничная ушла, Ара заплела волосы в свободную косу и почувствовала себя лучше, словно снова надела броню и избавилась от неприятной уязвимости. А потом... потом она долго не могла заснуть, натянув одеяло до самого подбородка, нервно прислушиваясь к малейшим шорохам в коридоре и не сводя глаз с дверной ручки, тускло мерцающей в неверном свете дотлевающих в камине углей. Пару раз ей чудилось, что та поворачивается, и сердце леденело от страха... но только чудилось. Лорд Кройд так и не пришел,

и под утро, когда мир окрасился в светло-серые тона, Ара все-таки заснула. Последним образом, прежде чем разум соскользнул в дрему, был взгляд маркиза, остановившийся на её губах, и сладость винограда на языке.

3.

На следующее утро Ара проснулась довольно поздно и не сразу поняла, где находится. Вспомнив, прикрыла глаза и подавила желание спрятаться под одеяло, сказать себя больной и провести в постели остаток месяца...

Но это было глупо и истерично. Да и лорд Кройд, с его неверием в мигрени и женские нервы, не позволит. Скорее разозлится, а Ара не хотела его злить. Инстинкты подсказывали, что маркиза лучше слушаться с первого раза.

Она вздохнула, привычно провела по косе... и замерла: никакой косы не было, волосы оказались распущены и ниспадали вокруг пышным шелковистым каскадом. Наверное, лента ночью слетела, но поиски в одеяле и под подушкой ничего не дали. Размышления и подозрения Ары прервал тихий стук в дверь.

– Мисс Эштон, вы уже проснулись?

Ара узнала голос Мари.

– Да, можешь войти! – резче, чем хотела, произнесла она.

В комнату одна за другой проскользнули служанки во главе с направляющей их Мари, присели в книксенах и деловито разбрелись по покоям: пока одни распахивали шторы, меняли цветы в вазах, чистили камин, смахивали пыль и наполняли горячей водой ванну в купальне, другие, с короб-

ками разных размеров, прошествовали в смежную гардеробную, и Ара услышала шелест одежды и скрип раскрываемых дверей шкафов.

– Мисс Эштон желает сперва принять ванну или позавтракать? – спросила Мари, пристроив накрытый колпаком поднос на столик и распрямившись.

Девушка выбралась из постели и, слегка нахмурившись, наблюдала за мельтешением служанок через распахнутую дверь гардеробной.

– Что в тех коробках, Мари?

– Ваша одежда, миледи.

Значит, маркиз уже решил проблему её багажа? Надо же, как быстро! На миг Ара даже ощутила нечто вроде благодарности. Но чувство моментально испарилось, стоило ей переступить порог комнаты, в которой девушки аккуратно и умело раскладывали, развешивали и расправляли вещи. Чужие вещи.

– Это не моя одежда, – произнесла Ара, чувствуя, как внутри разгорается понимание пополам с яростью.

– Хозяин сказал, что теперь ваша.

– Я хочу не люблюю, а свою одежду, – отдельно произнесла девушка, чувствуя, как пальцы сами собой сжимаются в кулаки и понимая, что стоящая напротив служанка ни в чем не виновата, но не в силах сдержать гневную дрожь в голосе. – Будь добра, немедленно передать маркизу, что произошла ошибка, и я жду *свой* гардероб.

– Его Сиятельство предвидел это и просил передать, что теперь это, увы, невозможно.

– Почему?

– Потому что он подарил ваши наряды приюту для престарелых леди и выразил уверенность, что вы с вашим большим сердцем и склонностью к добрым деяниям всей душой разделите его прекрасный порыв.

– Отдал все мои вещи до единой?!

– Да, миледи... хотя нет, кое-что осталось! – Мари пошарила в одной из коробок и извлекла шелковые чулки персикового оттенка, богато отделанные кружевом, которые Ара подарила на последний день рождения проказница-Сесиль. Конечно, подарила уже наедине, после презентованного в присутствии семьи основного подарка – молитвенника, вызвавшего множество одобрительных замечаний.

Сама Ара ни за что не заказала бы себе подобного белья и ни разу не надевала подарок, а сейчас мысленно отчитала камеристку, не иначе как по ошибке положившую его в чемодан.

– Его Сиятельство сказал, что это единственная вещь, которая на вас будет смотреться лучше, чем на пожилых леди.

Ара на миг прикрыла глаза, сделала глубокий вдох и, открыв их, спокойно произнесла:

– Сперва я хотела бы принять ванную, а затем позавтракать.

В процессе всего вышеперечисленного она успела немно-

го успокоиться, а служанки – завершить дела и покинуть её покои, забрав с собой наряд, в котором она приехала. Когда с утренними процедурами было покончено, Ара вновь вернулась в гардеробную, чтобы теперь уже внимательнее рассмотреть свои обновки. Их оказалось неожиданно много, и каждая снабжена поясняющим ярлычком.

Маркиз предусмотрел все, начиная с платья для пикника и заканчивая перчатками по локоть для посещения театра и веера в тон к ним. Ара переходила от одной вещи к другой, чувствуя невольное любопытство и... жутковатую дрожь. Здесь был даже набор шелковых платков с её инициалами!

Все эти вещи невозможно пошить и даже купить за день-два. Нет, они не куплены – сделаны на заказ, причем весьма умелой и дорогой модисткой.

Его Сиятельство заказал их гораздо раньше, чем Ара пришла к нему... И девушка даже без примерки чувствовала, что все до единой сядут идеально. Много лучше её прежних, весьма недешевых, вещей, пошитых у портного, обслуживающего высшие круги.

Первоначальные опасения, что маркиз разоденет её, как содержанку, так что любому сразу станет ясно, в каком статусе она при нем находится, не оправдались. Вещи не были ни крикливыми, ни вульгарными. Вообще-то они были весьма элегантными и подобранными со вкусом. А темно-сиреневый комплект будто специально создан, чтобы выделить

зелень её карих с изумрудной искрой глаз. Но все они были чужими – не только по принадлежности, но и по сути: Ара никогда не носила таких фасонов, предпочитая сдержанные однотонные платья без кружев и прочей отделки. Мода её мало волновала, в отличие от удобства, хотя девушка никогда не позволяла себе откровенно пренебрегать условностями. Все-таки положение в обществе обязывало одеваться и вести себя определенным образом, а слухи и сплетни – последнее, к чему Ара стремилась.

И хотя декольте вечерних платьев не превышали допустимой приличиями глубины, а перетянутые у локтя рукава «жиго» пребывали нынче в столице на пике популярности, Аре было неуютно даже просто представить себя в одном из этих нарядов.

Внезапно девушка осознала, что вот уже пару минут рассматривает сдержанное платье для дневных прогулок приятного оливкового цвета, с широким треугольным воротником, кончик которого почти касался талии, и перебирает чуть прохладную ткань, скользкую, как атлас, однако лишенную безвкусного блеска, который она так не любила.

Ара прикусила губу, когда поняла, что оценивала его не столько глазами, сколько ощущениями: гладила мягкие складки, наслаждалась ощущением тесного плетения нитей и чуть выступающего рисунка под пальцами – то есть смаковала, как... вчерашний виноград. И оно ей нравилось...

Девушка отдернула руку, будто обожглась, и указала на

первое попавшееся платье.

– Помоги мне, пожалуйста, вот с тем, Мари.

Дожидааясь в спальне, пока служанка принесет наряд, Ара приводила мысли и чувства в порядок. Отсутствие привычных вещей, не говоря уже о привычной обстановке и правом распоряжаться собой, выбивало её из равновесия. Но при встрече с лордом Кройдом она должна выглядеть и вести себя сдержанно и отстраненно, чтобы он не догадался о её смятении. Навязанные правила, навязанные платья... Что ж, она справится со всем, что он ей уготовил!

Ара глубоко вдохнула и улыбнулась своему отражению, слыша шаги Мари.

Отвернулась и ухватила за столбик, предупредив:

– Корсет затяни туго, но не до упора.

Так и не дождавшись позади никакого движения, недоуменно обернулась и нахмурилась при виде лица служанки:

– В чем дело?

– А корсетов среди нарядов не было, миледи... и нижних платьев тоже.

* * *

Не в силах усидеть на месте, Ара мерила комнату от одного угла к другому, изредка останавливаясь напротив окна и окидывая взглядом затянутый легким туманом сад и поля вдаль. Мари отправилась доложить о проблеме лорду Кройду, и Ара надеялась, что та вернется с извинениями от

маркиза за оплошность. В конце концов, он мужчина и мог попросту забыть об этих жизненно необходимых любой леди деталях. Девушка кусала губы с досады при одной мысли, что пришлось напомнить ему о таких интимных вещах.

Когда повернулась дверная ручка, она сделала стремительный шаг вперед и тихо вскрикнула, попятившись, поскольку в комнату вошла не служанка, а маркиз собственной персоной. Обежав Ару с ног до головы быстрым, но внимательным взглядом, он аккуратно притворил дверь.

Только тогда девушка запоздало и неловко прикрыла себя руками и метнулась к брошенному в кресло халату, завернувшись в него с особым усердием.

– Доброе утро, прекрасная Ара.

Маркиз, не дожидаясь приглашения в нарушение этикета, прошел и сел в другое кресло, закинув щиколотку одной ноги на колено второй и прикурил.

– Доброе утро, лорд Кройд. – Ара заставила себя произнести это максимально сдержанно, хотя от того, что она стоит перед мужчиной в одном только халате поверх ночного платья, девушку слегка потряхивало.

– Итак, у вас возникла какая-то проблема с гардеробом? Вам не понравились платья?

– Мне... не понравилось, что это не мои платья. Но сейчас речь о другом. – Ара все-таки почувствовала, что краснеет. – Вы забыли о двух важных деталях...

Девушка понадеялась, что он избавит её от необходимо-

сти произносить вслух, каких именно, но маркиз приподнял брови в ожидании продолжения.

– ... корсете и нижнем платье, – с досадой закончила она.

– О, приношу свои извинения, Ар-ра... – девушку передернуло от этого тягучего рокошущего звука, в который он превратил её имя, но из груди вырвался вздох облегчения.

– Принимаю их, лорд Кройд, и, надеюсь, вы понимаете, что до тех пор, пока слуга не купит и не привезет их, я, разумеется, не смогу покинуть комнату и разделять с вами...

– Приношу свои извинения, – перебил маркиз, – что не предупредил ещё вчера после ужина в числе прочих правил: в этом доме вы не будете носить корсет.

Ара недоуменно моргнула.

– Что?

– Вы не будете надевать здесь эту удавку, – медленно, глядя ей в глаза, повторил маркиз. – Мне не нравится во время беседы представлять, как она деформирует ваши ребра и приближает к обмороку всякий раз, стоит вашему дыханию слегка участиться.

Сейчас Ара действительно была близка к обмороку. Первому в своей жизни. Корсет она носила с двенадцати, то есть последние девять лет, и ей проще было отказаться от белья, чем от него.

– А что с нижним платьем? Оно тоже деформирует мои ребра? – ядовито выдавила она.

– Нет, мне просто нравится мысль, что под платьем у вас

ничего нет.

Ара ошеломленно замолчала, чем маркиз и воспользовался. Поднялся и прошел в гардеробную.

– И раз мы прояснили сей вопрос, – раздался оттуда его голос, сопровождаемый шелестом ткани, – то сообщаю, что жду вас через полчаса внизу для совместной конной прогулки. Наденете это, – закончил он, возвращаясь в комнату.

Ара посмотрела на наряд в его руках и побледнела. Потом покраснела от ярости. Свободная светлая блуза и облегающие штаны из коричневой замши, к которым прилагались высокие сапоги.

– Нет.

– Нет? – негромко переспросил маркиз, и вновь от него волнами начало исходить нечто, заставляющее волосы на шее и руках Ары подниматься, а живот стягиваться в холодный узел.

– Нет, – повторила она пересохшими губами, тихо, но твердо. – Если вы настолько хотите подтолкнуть меня ко второму нарушению договора, то так тому и быть. Но это я не надену.

– Хорошо, – неожиданно легко согласился он. – Уступаю вам право самой выбрать наряд, если вы предложите мне что-то взамен. Что вы можете мне предложить, Ара?

Сердце девушки колотилось, виски сдавило, а в душе расплзалось неприятное чувство, что она только что угодила в мастерски расставленную ловушку. Лорд Кройд знал, что

она согласится скорее на остановку сердца, чем на этот бесстыжий наряд, который бы плотно обтягивал её ягодицы и открывал взору ничем не защищенную грудь, и снова преуспел в том, чтобы внушить ей иллюзию выбора.

Пора бы ей уже запомнить: единственный, кто волен здесь выбирать, это сам лорд Кройд. И ничего тут Ара поделать не может...

Помедлив, девушка подняла руки и одну за другой вынула шпильки, разрушая сооруженную Мари по её просьбе прическу.

Пряди упругими волнами рассыпались по плечам и спине до самой талии.

Маркиз наблюдал за её действиями с нескрываемым удовольствием: глаза прищурились, как у сытого кота, ноздри скульптурного носа трепетали.

– Хорошо... очень хорошо, – произнес он. – Но этого мало. Что ещё?

Ара сердито посмотрела на него.

– Мне больше нечего вам предложить: все, что у меня было, вы уже забрали.

– Все ли? – насмешливо переспросил он, и девушка почувствовала, что вот-вот потеряет держащееся на ниточке самообладание и даст ему повод реализовать угрозу и наказать её. Хотя он и так только и делает, что наказывает её последние полгода. И особенно болезненно это наказание потому, что задевает не только Ару, но и её родных.

Она холодно посмотрела на мужчину и приподняла подбородок. Но даже так не удавалось глядеть на него свысока, и дело тут было даже не в росте маркиза, хотя последний не уступал гренадерскому.

– Вы всегда вольны силой забрать то, что я не хочу отдавать по доброй воле.

На миг в холодных насмешливых глазах мелькнуло что-то похожее на ярость. Маркиз сделал шаг к ней, и Ара инстинктивно отступила, стягивая края халата у горла. Плотная плюшевая материя одеяния показалась тоньше бумаги и легко пропускала исходящую от этого мужчины энергетику, агрессивную, подавляющую, заставлявшую сердце учащать ритм, а кончики пальцев холодеть и дрожать. Его присутствие ощущалось, как прикосновение. Нет, почти как удар.

– Скажете это ещё раз, и я сочту ваши слова приглашением.

Светлые глаза превратились в ободки из раскаленного металла, прожигая насквозь, так что стало больно смотреть, и Ара не выдержала, первой опустила свои. И тут же вздрогнула, испуганно обернувшись: одно из оконных стекол безо всякой причины треснуло, словно не выдержав повисшего в комнате бешеного напряжения.

– У вас полчаса на сборы. И не забудьте на досуге подумать, чем оплатить оставшуюся часть долга, – бросил маркиз, уже от двери.

Мгновение-другое Ара смотрела ему вслед, а затем по-

дошла к окну и толкнула ладонью треснувшее стекло. Град стекляшек осыпался вниз, а руку кольнуло. Девушка, поморщившись, извлекла несколько застрявших осколков. Из порезов сочилась кровь, но эта боль странным образом успокоила, отвлекая от бушевавшей в душе бури.

Ара спокойно смочила новый платок новыми же духами и приложила к ранкам, наблюдая, как её инициалы пропитываются кровью. Покончив с обработкой, прошла в гардеробную и окинула взглядом наряды.

Выбрала платье из светлого муслина, вернулась в гостиную, достала ножницы из корзинки для рукоделия и принялась разрезать наряд на полосы.

Она не может бороться против того, кто сильнее неё. Но она может воспользоваться его же оружием и учитывать не только то, что он сказал, но и то, о чем промолчал.

4.

Вниз Ара спустилась даже немного раньше назначенного срока. Ей передали, что маркиз в конюшне, и девушка направилась туда. Для конной прогулки она выбрала амазонку из желтого бархата с рядом обтянутых тем же материалом пуговиц на груди и отделкой из черного кружева на манжетах и по горловине.

Она вошла, ступая неслышно и прищурилась, привыкая к полутьме после яркого света. Маркиз стоял возле крупного жеребца, рыжего и с гривой красивого молочного оттенка. Через отверстие в потолке на них падали солнечные лучи, в которых танцевали пылинки. Мужчина что-то негромко шептал коню, поглаживая, и тот, казалось, внимательно прислушивается.

Ара двигалась совершенно бесшумно и была уверена, что осталась не замеченной, но тут вдруг маркиз спокойно произнес:

– Хороший выбор, вам к лицу желтый цвет, – и обернулся.

Девушка вздрогнула. Этот мужчина умел застать её врасплох! И чуть нахмурилась: как он догадался про цвет, если стоял спиной? Или все же он сперва повернулся? Или одновременно поворачивался и говорил? Ара тряхнула головой, приводя мысли в порядок.

– Его зовут Голиаф, – мужчина указал на коня, – хотите познакомиться?

Она кивнула и, придерживая подол, приблизилась.

Конь настороженно покосился на неё, но остался на месте.

Девушка завороченно смотрела, как маркиз гладит его, пропуская искрящуюся шерсть сквозь пальцы, успокаивает ласковыми прикосновениями, как эта шерсть перебирает оттенки от темно-кирпичного до палевого...

– Красавец, правда? Погладьте, если хотите, не бойтесь.

Поочередно потянув за каждый палец, Ара сняла перчатку и помешкала в нерешительности. Она хотела, но побаивалась: конь был огромным, и она знала, что внешнее спокойствие бывает обманчивым. Когда Аре было одиннадцать, её сбросила лошадь...

Видя колебания девушки, маркиз взял её руку и положил на шею коню. Провел ею, преодолевая вместе с ней этот первый шаг. Аре было неуютно из-за лежащей поверх мужской ладони, но от животного исходило такое умиротворение, растекаясь внутри приятным спокойствием, что вскоре неудобство отступило на второй план.

– Что вы чувствуете?

Маркиз смотрит не на коня – на неё.

– Удивительное ощущение, – призналась она. – Он гладкий, теплый и... – Ара запнулась, не зная, какие слова подобрать.

– Прикройте глаза, – посоветовал маркиз.

Помедлив, Ара послушалась. И слова снова начали возникать в голове, словно у неё открылось второе зрение. Зрение, название которому – ощущения.

– Я чувствую, как он дышит, – медленно произнесла она. – Шерсть гладкая, но слегка колется на кончиках, и жилка возле уха дрожит... – она уже смелее провела дальше, – бархатные ноздри, – конь тихо фыркнул, но не мешал исследованию, – и пятнышко на лбу горячее остальной шкуры.

Ара распахнула глаза и увидела, что уголки губ маркиза приподняты. Не улыбка, но уже близко. И невольно улыбнулась в ответ, больше не ощущая неудобства из-за его ладони. Позабыв об этом неудобстве.

Внезапно мужчина нахмурился и отступил на полшага, убрав руку и оглядывая Ару.

Что-то неуловимо изменилось. Тепло и спокойствие исчезли, на горизонте появилось облако.

Но прежде чем Ара успела до конца осознать это или отшатнуться, маркиз взялся обеими руками за горловину её амазонки.

– Урок второй, мисс Эштон: не нужно искать лазейки в моих распоряжениях. – И с силой дернул наряд вниз, срывая его, обнажая её до пояса.

Мгновение-другое Ара не шевелилась, слишком испуганная и оглушенная произошедшим, а потом скрестила руки на груди и попятилась. Маркиз остался стоять на месте, сверля её тяжелым взглядом.

– Я думал, мы выяснили вопрос с корсетами.

На смену испугу пришла ярость. Ара сузила глаза:

– Вам стоит проверить зрение, лорд Кройд: на мне нет корсета.

– Вы прекрасно понимаете, что я имел в виду, отдавая распоряжение. Не нужно пытаться обвести меня вокруг пальца, я подобных вещей очень не люблю. А теперь снимите эти тряпки.

Ару обожгло новой волной страха, пополам со стыдом, и она крепче прижала руки к груди, забинтованной муслиновыми лоскутами, совсем недавно бывшими легким летним платьем. Щека лорда Кройда дернулась в раздражении.

– Я не имел в виду снять у меня на глазах, можете пройти туда, – указал он на крайнее пустое стойло, и, поскольку Ара не сдвинулась с места, повысил голос: – Избавиться от них придется в любом случае, и только от вас сейчас зависит, сделаете вы все сами, или это придется сделать мне. Даю десять секунд на размышление. Раз, два...

Ара обошла маркиза, брезгливо поджав губы и стараясь отодвинуться как можно дальше, шагнула в тень стойла и отвернулась к стене.

Кинув взгляд через плечо, увидела, что мужчина снова вернулся к коню и стоит спиной к ней. Руки дрожали от гнева и только что пережитого. Девушка принялась зло срывать бинты, путаясь в узлах. Вскоре возле ног лежал ворох тряпок, а обнаженная кожа покрылась мурашками, хотя в ко-

нюшне было довольно тепло.

Ара торопливо подтянула платье, посекудно оборачиваясь, и забегала пальцами по пуговичкам. Как ни странно, все до единой оказались на месте, а сам наряд уцелел, хотя девушка могла бы поклясться, что слышала треск разрываемой ткани.

Материя была мягкой, но все равно грубее тончайшего шелка нижних сорочек, к которым привыкла Ара, поэтому слегка раздражала кожу и соски. С непривычки ощущение доставляло дискомфорт. И хотя ткань оказалась достаточно плотной и, слава Богу, не обрисовывала соски, девушка неуютно поежилась.

Она вышла из стойла, холодно посмотрев на маркиза. От недавней искры взаимопонимания, вспыхнувшей благодаря рыжему коню, не осталось и следа. Лишь горький пепел и досада на себя за то, что на миг забыла где находится, и что за мужчина стоит рядом. Теперь Ара едва сдерживала тошноту, когда смотрела на маркиза, без стеснения ощупывающего взглядом её тело так, словно она была вовсе без платья.

– Хорошо, – кивнул он и повернулся к выходу. – А вот и ваша кобыла.

Девушка взглянула на лошадь, которую завел молодой помощник конюха. Кобылка была красивой: гибкая шея, фиалковые глаза, тонкие жилистые ноги и серебристая шкура. Но настроение оказалось безнадежно испорчено. Маркиз шагнул к животному, вероятно, желая подвести его к Аре под

узды, и лошадь внезапно шарахнулась в сторону, завизжав почти по-человечески и косясь на него с диким суеверным ужасом.

Мужчина замер и, не оборачиваясь, бросил:

– Её привезли только сегодня утром. Ещё не успела привыкнуть ко мне. Если хотите, можете взять любую другую.

– Нет, – возразила Ара и, подобрав подол, прошла к лошади, успокаивающе погладила по морде, не испытывая ни малейшего страха, и кобылка, все ещё дрожа, ткнулась носом в её ладонь в поисках утешения. – Она идеально подходит, – Ара вызывающе посмотрела на маркиза, – у нас с ней есть много общего.

Например, отвращение к хозяину этого дома.

– Как пожелаете, – усмехнулся он и кивнул рассыпающе-муся в извинениях пареньку. – Можешь идти, я сам поставлю седло.

Когда тот удалился, маркиз взялся за работу.

– Как назовете?

Ара немного подумала и мягко провела рукой по шее жмущейся ближе к ней кобылки:

– Пленница.

Каменное лицо маркиза ничего не выражало, когда он произнес:

– Как символично.

Закончив с Голиафом, мужчина двинулся к её лошади, и Ара раздраженно произнесла:

– Позовите кого-нибудь из слуг, вы же видите, что она вас боится... – и осеклась, потому что маркиз остановился напротив кобылки, обхватил её морду ладонями и приблизил свое лицо вплотную. Лошадка вздрогнула, но вырваться не попыталась. Зачарованно смотрела на мужчину, и даже фиалковые глаза подернулись легкой поволокой.

– Кажется, мы нашли общий язык, – бросил он минуту спустя, отодвигаясь, и принялся прилаживать седло.

Едва Ара успела оправиться от удивления, как её ждала новая неожиданность.

– Что это? – указала она на седло.

Маркиз приподнял брови в показном удивлении, подтягивая ремень.

– Ваше седло.

– Я вижу, что седло, – произнесла Ара сквозь зубы. – Мужское. Вы, вероятно, никогда не принимали в своем доме леди, поэтому не знаете, что мы ездим в дамском.

Маркиз вскинул голову и вдруг двинулся на Ару, вынудив девушку отступать, пока она не уткнулась спиной в стену. Тогда оперся ладонью рядом с её лицом, склонился ниже и обдал шею горячим шепотом:

– Вы даже не представляете, что предлагали мне леди в этом доме и в этой конюшне.

Сердце заколотилось пойманной птицей, а все тело одеревенело, потому что маркиз стоял так близко, что касался грудью её груди, и Ара чувствовала, как ткань амазонки трется

о ставшие болезненно чувствительными соски.

– Не хочу даже представлять подобное, – прошептала она.

– Уверены? – маркиз опустил глаза, и к щекам Ары прилила кровь, потому что материя четко обрисовывала напряженные бугорки.

Она не нашлась, что ответить, испытывая страстное желание убежать подальше от этого мужчины и его мерцающего взгляда, но ноги не подчинялись, колени дрожали, а грудь бурно вздымалась.

Наконец он отодвинулся, спокойно сообщив:

– Мой дом – мои правила. Дамское седло – одна из самых опасных штук, виденных мной, а я не хочу, чтобы вы сломали себе шею, пока находитесь у меня в гостях.

– Гостям предоставляют свободу выбора, – не удержалась Ара, внутренне морщась от того, как сбивчиво по сравнению с маркизом прозвучал её задыхающийся голос.

– А вы особый гость, – усмехнулся маркиз. – Считайте это оставшейся частью платы за выбор наряда.

Ара не стала продолжать спор, во-первых, из-за его бесполезности – все равно придется подчиниться, – а, во-вторых, потому что она, откровенно говоря, никогда не была хорошей наездницей, не в последнюю очередь из-за пугающей конструкции дамских седел, а ещё потому что редко садилась на лошадь из-за того давнего инцидента.

– Вы когда-нибудь катались на таком?

Девушка покачала головой.

– Не бойтесь, мы не будем ехать быстро. Я не позволю вам упасть.

Он не стал предлагать помощь с посадкой, просто обхватил Ару за талию и устроил в седло. Все это время кобылка смиренно стояла на месте, преданно глядя на маркиза, словно дожидалась его дальнейших распоряжений.

Следом мужчина запрыгнул на Голиафа, каким-то чудным способом – просто с места, даже не встав ногой на специально предназначенный камень, – и пришпорил коня.

Сперва они немного покатались по леваде, и Ара, выполняя распоряжения лорда Кройда, обретала все большую и большую уверенность. На смену первоначальному напряжению пришла расслабленность – Пленница не собиралась её скидывать. Когда девушка немного пообвыкла, они выехали в поля.

Несмотря на все ещё не прошедшее раздражение на маркиза, Ара не могла не восхититься открывающимися видами: вдаль темнела роща, раскинулись домики какого-то поселения, река блестела от выглянувшего из-за туч солнца, сладко пахло свежими травами и цветами.

Девушка подставила лицо ветру, наслаждаясь ощущением свободы. Кобылка больше не шарахалась от маркиза, когда он подъезжал ближе и, казалось, угадывала малейшее желание Ары, помогая неопытной наезднице. Хотя полностью избавиться от дискомфорта мешали раскинутые по-мужски ноги.

Спустя время солнце даже начало припекать, и Ара почувствовала, что они довольно давно катаются.

– Устали?

– Немного, – призналась она.

Маркиз указал на раскидистый дуб впереди, рядом с которым река делала загиб.

– Можем передохнуть там.

Когда они подъехали, Ара с удивлением увидела расстеленную под сенью дерева скатерть, придавленную по углам камнями, чтобы не сдувало ветром, и большую корзину для пикника.

– Я велел слугам оставить ланч, на случай если захотим перекусить, – пояснил он, спешиваясь, и снял девушку с седла.

Ара покачнулась на твердой земле. С непривычки мышцы на ногах тянуло легкой болью, и не покидало ощущение, будто она до сих пор скачет верхом.

– А что там? – указала она на домики примерно в четверти мили от них, на другом берегу. – Деревня?

– Небольшой городок. С парой лавок и таверной. Хотите, можете посетить его. Мари сейчас там и будет вашей компаньонкой, я предупрежу её, чтобы встретила, а сам подожду тут.

Ара даже не стала спрашивать, как именно маркиз собирается предупредить Мари, оставаясь здесь, но почему-то не сомневалась, что он на такое способен. Девушка устала боль-

ше, чем показывала, и ощутило проголодалась, но раз лорд Кройд предоставляет ей шанс побыть подальше от него, не хотелось его упускать.

– Тогда я прогуляюсь до города.

– Хорошо, все покупки велите записывать на мой счет. Жду вас здесь не позже, чем через час, у меня ещё есть дела в поместье.

Ара кивнула и двинулась вперед, через мост, и мимо работающих в поле женщин. Вскоре показались первые дома.

Возле крайнего её ждала девичья фигура в плаще – Мари.

Ничего особо интересного в городке не оказалось: действительно небольшой, действительно всего несколько магазинов, ассортимент которых ничем её не привлёк.

Ара пообедала вместе с Мари в таверне и двинулась в обратный путь. Несмотря на довольно пустой поход, настроение было прекрасным, и его не могло испортить даже предстоящее воссоединение с маркизом. Вообще-то Ара даже собиралась поблагодарить его за сегодняшнюю верховую прогулку. Когда впереди показался дуб, Мари двинулась в сторону поместья коротким путем, а Ара свернула к дереву. Ещё переходя мост, она услышала голоса: один лорда Кройда, а второй... женский.

Она с недоумением прислушалась: может быть, к нему приехали гости? Но кроме Голиафа и Пленницы, она не увидела других привязанных лошадей. На скатерти под дубом остались следы состоявшегося ланча – открытая бутылка ви-

на, недоеденный лососевый пирог, остатки закусок и рассыпавшиеся фрукты, – но там никого не было.

Снова раздался женский смех, и Ара поняла, что он доносится с откоса, начинающегося сразу за дубом и упирающегося в реку. Она приблизилась к дереву и замерла от неожиданности: по другую сторону всего в нескольких метрах от неё полулежал лорд Кройд, лениво развалившись на траве. Локтем одной руки он опирался о землю, а пальцами второй перебирая светлые льняные волосы незнакомой женщины.

Судя по наряду и простоватому, хоть и по-деревенски симпатичному лицу, это была одна из тех работниц, которых Ара видела в поле, когда шла в город. Незнакомка оказалась не юной девушкой, но ещё весьма молодой и фигуристой. И исходя из косынки на голове, замужней. Маркиз что-то негромко говорил ей, то наматывая на палец её прядь, то разматывая, а женщина смеялась призывным грудным смехом и ерзала, так что натянувшаяся материя платья обозначала полные груди. Слов Ара разобрать не могла, хотя стояла совсем близко, зато разбирала интонации маркиза – низкие, пробирающие, заставляющие незнакомку наклонять аккуратное розовое ушко ближе к его губам, а её руки – судорожно цепляться за траву.

Маркиз взял с пристроенной рядом тарелки ломтик груши и поднес к её губам. Дразняще провел им, оставляя блестящую на солнце дорожку сока, и женщина с тихим стоном разомкнула губы, прикрыв глаза.

Лизнула плод и приняла его языком. Медленно прожевав, открыла глаза, которые теперь горели почти так же лихорадочно, как её щеки. Следующим ей был предложен кусочек дыни, и прежде чем погрузить его в рот, она с наслаждением пососала фрукт, вытягивая ароматный сок, а потом слизнула с пальцев маркиза сладкие капли, и Ара, услышав его тихий смех, очнулась от оцепенения.

В душе боролись возмущение и отвращение – незнакомка ведь замужем! – но ни то, ни другое не побудило её нарушить уединение парочки или хотя бы отвести взгляд от разворачивающейся картины.

Маркиз протянул руку, обрисовывая контур лица женщины, скулу, пухлые готовно приоткрытые губы. Их он трогал уже по-другому: мягко тер подушечками, ощупывал, гладил. Она поймала щекой его ладонь и прижалась к ней.

Потом оперлась ладонями о землю, подползла к маркизу на четвереньках, виляя крупным задом и, явно нервничая, задала какой-то вопрос. Ответ её порадовал – лицо просветлело, а румянец стал ещё ярче. Румянец не смущения, а предвкушения.

Не медля больше ни секунды, она спустила платье с плеч, позволив ему болтаться на бедрах и открыв большие груди с широкими светло-розовыми сосками, и потянулась к брюкам маркиза. Пальцы дрожали то ли от нетерпения, то ли от страха, что её сейчас остановят и прогонят, когда она растегивала пуговички.

Наконец, последняя была освобождена из петли, и женщина низко склонилась над пахом маркиза. Ара не понимала, что происходит, но чувствовала, что что-то в высшей степени непристойное. Лорд Кройд сидел к ней практически спиной, поэтому не все было видно, но она успела рассмотреть мелькнувшую обнаженную плоть, прежде чем та оказалась во рту женщины.

Краска бросилась Аре в лицо от этого немислимого зрелища. Она не могла поверить, что все происходит на самом деле. Вот теперь ей отчаянно захотелось оказаться подальше отсюда, но если она сейчас сдвинется с места, то наверняка выдаст себя. И все, что ей оставалось, это смотреть, как голова женщины ходит вверх-вниз, пока её рот делает то, чему Ара не знала названия. Облизывает, посасывает, принимает в себя мужской орган. Причем, в отличие от неё женщина явно не находила в происходящем ничего ужасного, напротив – постанывала от удовольствия и свободной рукой то гладила и стискивала свои груди, то ласкала себя между ног.

Сам маркиз продолжал полулежать в той же расслабленной позе: только откинул голову и прикрыл глаза, а руку положил на затылок женщины, мягко направляя и задавая ритм.

Заливались птицы, благоухали цветы, женщина сюрпала и чмокала над пахом маркиза, а Ара задыхалась от возмущения. Девушка чувствовала себя так, словно он оскорбил её лично. Вывалял в грязи, даже не прикасаясь.

Наконец голова задвигалась быстрее, мужские бедра дернулись навстречу услужливому рту, пальцы требовательно сжали волосы женщины, и маркиз, вздрогнув всем телом, издал низкий горловой стон.

Секунду спустя женщина тоже вскрикнула, прижимая пальцы к своей промежности.

Отдышавшись, как ни в чем не бывало, оправила платье и улыбнулась. Когда маркиз протянул монету, помотала головой, и, кажется, даже обиделась. Мужчина провел по её щеке тыльной стороной ладони, и на простоватом лице снова расцвела улыбка. Женщина вскочила, и подол рухнул до земли, прикрыв крепкие ляжки. Кинув последний игривый взгляд на маркиза и многозначительно облизнув губы, она понеслась в сторону поля, где её товарки уже собирались на обед.

А лорд Кройд спокойно застегнул брюки, поднялся и встретился глазами с Арой.

На его лице не отразилось ни смятения застигнутого врасплох, ни удивления.

Повисла пауза.

Мучительная для Ары и, похоже, вполне комфортная для маркиза.

– Это было отвратительно, – выдавила наконец девушка.

– И поэтому вы досмотрели до конца, вместо того, чтобы прервать нас, обозначив свое присутствие?

– Вы хотели, чтобы я это увидела.

– Но не заставлял, – пожал плечами он. – Вы могли за-

крыть глаза или вежливо покашлять.

– Я желаю вернуться в дом, – бросила Ара, отворачиваясь, и направилась к лошади.

Искренний порыв поблагодарить его за прогулку утонул в том чмоканье и сюрпанье. Сейчас ей было невыносимо даже просто смотреть на маркиза. Вот уже во второй раз за день настроение оказалось испорчено, и что-то подсказывало, что на сей раз не выправится.

Ара села в седло, чувствуя непонятную влагу и пульсацию между бедрами, и через пару минут они уже молча ехали обратно через поля, оставив позади скатерть с остатками ланча, над которым пировали мухи.

5.

К вечеру настроение не улучшилось. Правда, раздражение на маркиза побледнело, но лишь потому, что его затмила боль в мышцах и истертой коже. Не привычное к таким долгим прогулкам верхом тело мстило ломотой и кровотокающими ссадинами между бедер, хотя во время поездки и сразу после Ара чувствовала лишь небольшое неудобство.

Но для нежной кожи несколько часов скачки оказались непосильным испытанием. Поэтому, спускаясь к ужину, девушка едва сдерживала болезненные стоны. Но пыталась держать себя в руках и ничем не выдать этого внешне: она не собиралась демонстрировать маркизу ни дурного настроения, ни слабости.

Однако, как Ара ни старалась, ответы выходили вялые и невпопад, и приходилось то и дело переводить дыхание. Из-за боли аппетита не было совершенно.

Маркиз внезапно отложил приборы и склонил голову набок, словно к чему-то прислушиваясь.

– Что с вами? Вам... больно?

– Все в порядке. Просто немного устала и не голодна, поэтому хотела бы подняться пораньше в комнату.

– Больно, – резюмировал маркиз. – Скажите где?

Ара поморщилась: смысла и дальше отпираться не было,

поэтому девушка тихо призналась:

– Седло натерло.

Маркиз встал из-за стола и приблизился к ней.

– Покажите.

Ара испуганно свела ноги под подолом.

– Бросьте, – поморщился мужчина, – вы скорее будете терпеть боль, чем позволите мне помочь?

Он наклонился, подхватил её на руки и отнес в кресло возле камина, где было теплее и светлее. Сам опустился перед ней на колени, взялся за край подола и приподнял брови, безмолвно спрашивая разрешения.

Ара прикусила губу и медленно кивнула.

Очень осторожно он потянул платье наверх, и девушка, вцепившись в подлокотники, отвернулась. Какой стыд...

Жар камина опалял и без того горящие щеки, а инстинкт требовал немедленно оттолкнуть мужчину, оправить подол и свести ноги. Но Ара терпела, потому что уже не раз видела эту решительную вертикальную складку на лбу маркиза. Вот ткань обнажила икры, подползла к коленям, выше, ещё выше, пока деликатно не остановилась перед средоточием женственности, полностью оголив её ноги перед мужчиной.

Когда маркиз мягко развел их, Ара зажмурилась и внезапно услышала его короткий выдох:

– Глупая девчонка! Почему сразу мне не сказали? Или хотя бы Мари...

Ара распахнула глаза и увидела, что он сердито смотрит

на истертую кожу. Смотрит без жадности или вожделения, а так, как мог бы смотреть врач.

– Посидите здесь, я скоро вернусь.

Он встал и покинул комнату, но вернулся считанные минуты спустя, неся с собой небольшую баночку.

– Эта мазь снимет боль и поспособствует скорейшему заживлению.

Мужчина уверенно опустился на прежнее место и отвинтил крышку.

Ара потянулась к лекарству, одновременно пытаясь опра-вить подол:

– Спасибо, я сама, наверху сделаю...

Но маркиз решительно вернул её руки обратно на подлокотники.

– Теперь я вам это дело не доверю. С вас станется по возвращении в комнату выкинуть мазь в окно только потому, что она от меня.

Его подозрения были беспочвенны, в конце концов Ара не страдала глупой истеричностью и склонностью совершать капризные выходки во вред себе, но спорить, как всегда, бесполезно.

– Не бойтесь, – предупредил маркиз и мягко подтянул её за ягодицы ближе, подоткнув под поясницу подушечку и устраивая поудобнее для процедуры.

Вот только отвлечься от того, что его лицо теперь у неё между коленей не получалось даже с учетом медицинских

целей происходящего. Ара дышала через раз.

Маркиз начал с голеней. Когда густая прохладная мазь коснулась горячей содранной кожи, девушка дернулась, едва сдерживая слезы – ранку начало печь с удвоенной силой.

– Сейчас станет легче, – пообещал маркиз и легко подул на раненое место.

Кожа покрылась мурашками, а жжение действительно пошло на убыль, успокаиваемое прохладой.

Маркиз зачерпнул следующую порцию и обработал ссадину возле колена.

Он продолжал, действуя умело и аккуратно, постепенно продвигаясь вверх. И Ара уже не знала, от чего ей становится легче: от мази или того, что лорд Кройд дует на поврежденные участки. Наверное, от того и другого вместе.

Когда он достиг бедер, стало ясно, что нынешняя поза не позволяет обработать внутреннюю сторону.

– Не бойтесь, – повторил маркиз и осторожно, словно опасаясь, что Ара сейчас попытается сбежать или ударит его, положил сперва одну её ножку на подлокотник, потом другую.

Дыхание девушки участилось, а ногти царапали обивку кресла. Происходящее, все ещё оставаясь в рамках лечебной процедуры, приобрело какой-то новый незнакомый оттенок, и воцарившееся молчание скручивало пружину напряжения до предела.

Нужно что-то сказать, развеять пустой болтовней эту гу-

стую тишину, но на ум, как нарочно, ничего не шло...

Маркиз же продолжил свое дело, опустив голову, так что она не могла рассмотреть выражения лица. Обычно белая, как сливки, кожа её ног приобрела мягкий оранжевый оттенок с переливами красного от близости камина, и такие же блики трепетали на волосах маркиза. Когда прохладная мазь легла на самый болезненный участок, Ара не сдержала стоны облегчения. Рука мужчины окаменела, а потом продолжила аккуратно массировать кожу круговыми движениями, втирая снадобье.

Ара не понимала, что с ней происходит: легкая боль от ранок теперь мешалась с каким-то нарастающим между бедрами теплом, переходящим в пульсацию, как сегодня, когда она стала свидетельницей сцены у реки. И теплое дыхание мужчины на её чувствительной коже лишь усиливало ощущение.

В ушах некстати зазвучал низкий порочный стон, сорвавшийся днем с губ маркиза, а перед глазами встали его пальцы, властно вцепившиеся в волосы женщины, и бедра, требовательно дернувшиеся навстречу её рту. Ара посмотрела на склоненную голову. Интересно, а... наоборот бывает? Мужчины могут делать такое женщинам? От этой мысли между ног особенно сильно толкнулась пульсация и расцвел влажный жар, отозвавшись тянущим ощущением в низу живота, и маркиз вдруг судорожно втянул в себя воздух и задышал ртом.

– Расскажите о чем-нибудь, – резко бросил он, по прежнему пряча лицо.

– О чем? – удивилась она. Голос прозвучал непривычно глубоко и как-то... томно.

– Без разницы, о чем угодно: как покупали шляпки с подружками, какой вредный старик был ваш учитель латыни. – Его голос тоже звучал сдавленно.

И Ара ещё успела удивиться: как маркиз догадался, что её учителем был мужчина и действительно вредный?

Она послушно начала рассказывать про прошлогодний пикник у приятелей родителей, но мысли путались, и девушка постоянно сбивалась: то ли от того, что во рту пересохло, то ли из-за набухших сосков, трущихся о шерстяную ткань платья и лишенных нежной защиты сорочки, то ли от зрелища пальцев маркиза на её коже, уже безо всякой мази гладящих, ласкающих оголенные не требовавшие лечения участки, подбирающихся туда, где все горело и изнывало под лоскутом шелка.

И эти пальцы дрожали. Ара никогда не видела, чтобы у властного уверенного в себе маркиза тряслись руки. Его дыхание уже не гладило, а обжигало внутреннюю поверхность бедер, но это был совсем иной жар, чем от ранок. Он не был... ни болезненным, ни неприятным.

– Я... я не помню, что было дальше... – призналась она, тяжело сглатывая.

– Неважно, все равно не работает, – глухо отозвался муж-

чина, дыша так же учащенно.

А потом вдруг подался вперед и поцеловал нежный чувствительный участок прямо на границе с бельем, ещё чуть-чуть и коснулся бы влажной ткани там, где ноги соединялись.

Мучительно простонал:

– Какая сладкая у вас кожа...

От прикосновения его горячих губ влажная ткань превратилась в мокрую, а Ара, прогнувшись в пояснице, тихо застонала, окончательно теряя связь с реальностью и остатки разума, которые должны были напомнить, что перед ней враг и опасный хищник.

Хищник, который стоит перед ней на коленях, что делает его только более опасным.

Услышав вырвавшийся у неё звук, маркиз вскинул голову, и Ара застыла. Лицо мужчины оставалось в тени, а светлые глаза горели тем самым огнем – на который больно смотреть. Не просто горели: пылали, пожирали её, и даже черты, казалось, заострились, стали меньше похожими на человеческие, но приобрели звериную притягательность.

И что-то вдруг кольнуло память: какое-то ускользящее воспоминание...

– Я вас знаю? Встречала прежде? – прошептала девушка срывающимся шепотом. – До последнего года?

И тут же снова захлебнулась стоном, потому что маркиз, продолжая смотреть в глаза, положил пальцы на едва при-

крытый треугольник плоти и надавил на какую-то точку, а потом потер, отчего Аре стало и больно и непередаваемо хорошо – больно потому, что хотелось чтобы нажал сильнее. Между ног требовательно заныло, обдавая волнами томления.

Зрачки мужчины расширились до предела, почти закрыв радужку, на лбу заблестел пот. Он издал хрип, словно сдавался самому себе, и склонился к промежности девушки. Прихватил губами плоть через ткань и надавил на распаленную расщелину горячим языком, вода им вверх-вниз, вверх... и мучительно медленно внииииз. Как раз там, где это было острее, восхитительнее, умопомрачительнее всего, так что от наслаждения на глаза наворачивались слезы.

Когда Ара попыталась вывернуться, ускользнуть от этой ласки, больше похожей на пытку и разрывавшей её новыми непонятными ощущениями, крепко стиснул её бедра, распахивая их ещё шире, закидывая ноги девушки себе на плечи.

А движения рта изменились: стали настойчивей и бесстыдней. Теперь он посасывал, прикусывал, выводил обжигающие узоры на шелке белья, толкался кончиком языка туда, где начинался вход в самое сокровенное. Наверное, если бы он коснулся напрямую, не через ткань, Ара сошла бы с ума. Просто рассыпалась пылающими углями...

Она сама не заметила, как зарылась одной рукой в его короткие волосы, получая дополнительное наслаждение от ощущения их жесткости, от возможности притянуть его бли-

же. О Боже... как это слааадко... Да! Даа!

Девушка уже непрерывно постанывала, изгибаясь и неосознанно двигая бедрами, а маркиз в ответ издавал хриплое рычание, большее похожее на животное. Теперь от него пахло иначе – ничем конкретным, просто... иначе. И этот аромат погружал Ару в алое морево вожделения, туманил разум, заставлял снова и снова подаваться всем телом ему навстречу, буквально вдавливаясь в язык...

И когда она почувствовала его пальцы под бельем, тянущие за края ткани, избавляющие от этой последней преграды, то приподняла таз, чтобы ему было удобнее. Бедра обнажились уже до половины, когда маркиз вдруг... остановился.

С шумным вздохом оперся лбом о её промежность, а потом встал, отвернулся и бросил:

– Приведите себя в порядок.

Пару секунд Ара ошеломленно смотрела ему в спину, все ещё до предела возбужденная, тяжело дышащая и не сообщающая, а потом горло стиснуло, и на глазах выступили слезы.

Он посмеялся над ней? Доказал превосходство? Промонстрировал, что несмотря на всю аристократическую спесь, она ничем не отличается от любой другой девки, готовой по первому же щелчку пальцев ублажить его? Несмотря на то, что они не дошли до конца, девушка чувствовала себя оплеванной и обесчещенной.

Ара подтянула белье, опустила ноги на пол и оправила по-

дол. Было мучительно больно и стыдно: не она его остановила, как должна была – он первый прекратил. А ещё страшно – страшно из-за испытанной неконтролируемой жажды продолжения и собственной неспособности отказаться от этого удовольствия. Прежде Ара никогда так не теряла голову. И ладно бы все произошло с любимым мужчиной, но лорд Кройд вызывал в ней в лучшем случае глухую неприязнь. Тогда почему это случилось?..

Когда маркиз повернулся, то выглядел уже, как обычно: холодно, отстраненно, высокомерно. Только на висках до сих пор блестели капли пота.

– Если желаете, можете закончить трапезу здесь или у себя. Рано утром мне нужно уехать по делам, поэтому встретимся в следующий раз не раньше завтрашнего вечера.

И не дожидаясь ответа, направился к двери. На смену растерянности и стыду пришел кипящий гнев. Она не позволит маркизу после произошедшего бросить её наедине с этим гадким чувством использованности и ненависти к себе!

– Почему же вы остановились? – с вызовом кинула она. – Ведь ещё немного и вы могли унижить меня так, что я до конца жизни не забыла бы ваш урок!

Маркиз, уже положивший ладонь на дверную ручку, обернулся и стремительно вернулся. Уперся в подлокотники, нависнув над Арой и заставив её вжаться в спинку кресла. В доли секунды в глаза вернулся огонь, а в голос – звериное желание.

– Я остановился потому, что ещё немного и не сдержался бы. И ни секунды бы потом не пожалел, – голос упал до хриплого шепота, заставившего девушку покрыться мурашками. – И мне бы это понравилось... – губы коснулись её уха, опалая горячим дыханием, – вы даже не представляете, насколько бы мне это понравилось и нравилось ещё много-много часов... А вот вы наутро пожалели бы и ещё неделю не смогли нормально ходить.

Он распрямылся и, более не оборачиваясь, покинул комнату.

В ту ночь Ара заснула быстрее, чем накануне, но слишком взбудораженный разум посылал путанные видения, от которых девушка хмурилась и ворочалась. Какие-то смутные образы, обрывки, и единственное, что виделось четко – горящие глаза на заострившемся нечеловеческом лице.

Незадолго до рассвета девушку разбудил какой-то шум во дворе. Выбравшись из постели, Ара выглянула в окно и увидела на подъездной аллее темную необычно длинную карету без опознавательных знаков.

Из неё выбрались четверо мужчин и исчезли в доме. На первом этаже раздались их шаги – должно быть, сапоги гостей были окованы железом, потому что гулко стучали о плиты холла. Потом звук ушел куда-то под землю. Спустя недолгое время мужчины вновь показались на крыльце, но уже не

с пустыми руками: они с трудом тащили какой-то окованный цепями ящик длиной метра два, и замыкал шествие маркиз.

Погрузив ношу в экипаж, все участники запрыгнули следом, включая хозяина дома, и карета покатила прочь, вскоре исчезнув за воротами.

Ара не понимала, чему только что стала свидетельницей, но ей было жутко.

Она вернулась в кровать и провалилась в почти не дающий отдохновения сон, в котором, помимо прежнего образа, теперь фигурировал и непонятный ящик, и женский голос звал сквозь туман времени:

– Ара, где ты? Девочка моя, ты где?..

6.

Завтракала Ара в одиночестве, что её очень порадовало. Она не поручилась бы, что не вывалит на маркиза содержимое желудка, если б пришлось делить трапезу с ним.

Какое-то время девушка гадала о цели загадочных ночных визитеров и содержимом того ящика, но вскоре оставила размышления: все равно некому подтвердить или опровергнуть догадку. Наверняка, это как-то связано с темными делишками маркиза, и чем меньше Ара про них знает, тем лучше.

После завтрака девушка немного погуляла по саду, кутаясь в шаль, потом заглянула проведать Пленницу и Голиафа. Вчерашний паренек предложил угостить животных яблоками из корзины, и Ара с детским восторгом наблюдала, как те аккуратно, словно боясь поранить её, принимают подношение.

Даже гордый Голиаф не отказался от вкусности, хоть и посматривал на Ару настороженно, будто прикидывал, не замыслила ли она дурного против его хозяина. Девушка даже задумалась, не покататься ли на Пленнице – не по полям, конечно, а просто по леваде, – но в итоге отказалась от идеи. Во-первых, было все-таки страшновато без подсказок и подстраховки лорда Кройда, а, во-вторых, кожа ещё болела, хоть

и заживала паразитально быстро благодаря оставленной им лечебной мази.

Накладывая её сегодня утром, Ара увидела следы от пальцев маркиза, оставленные, когда он крепко держал девушку за бедра, не позволяя сомкнуть их, пока его рот...

Ара покраснела от воспоминаний и поспешно покинула конюшню – казалось, Голиаф, наблюдающий за девушкой, легко читает эти ужасные мысли на её лице.

Вскоре небо окончательно заволокло, начал накрапывать дождь, и Ара вернулась в дом. Оставшееся до обеда время писала письмо Сесиль, в котором туманно намекнула на особые сложные обстоятельства и попросила подругу прикрыть её, сделав вид, что Ара гостит у неё в этом месяце. Сесиль, пусть и довольно легкомысленна, но хранить секреты умеет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.